

Боревская Нина Ефимовна
Интервью для проекта «Российское китаеведение – устная история»

Interview with Nina Y. Borevskaya
“Russian Sinology – Oral History” Project

<p>Боревская Нина Ефимовна Китаевед, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН (до 2014)</p> <p>Место интервью: Москва, РФ Дата интервью: май 2012, август–октябрь 2017 Вёли интервью: Горбунова С.А. (СГ), Головачев В.Ц. (ВГ) ИДВ РАН Комментарии: Боревская Н.Е., Головачев В.Ц. (ИДВ РАН) Продолжительность: 4 часа Объём: 3,2 а. л., 7 стр.</p>	<p>Nina Y. Borevskaya Sinologist, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies, RAS (IFES, RAS, till 2014) Place: Moscow, Russia Date: May 2012, August–October 2017</p> <p>Hosted by: Svetlana A. Gorbunova (IFES, RAS), Valentin Ts. Golovachev (Institute of Oriental Studies, RAS) Comments: Nina Y. Borevskaya, Valentin Ts. Golovachev Duration: 4 hours Pages: 71</p>
--	--

Боревская Нина Ефимовна (13.05.1940, г. Москва). Китаевед, специалист по политике Китая в сфере образования и сравнительной педагогике, а также средневековой китайской литературе. К.филол.н (1970), д.и.н. (2002). Окончила китайское отделение Института восточных языков при МГУ им. М.В. Ломоносова (1965). Главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН (до 2014 г.). Главный ученый секретарь Всесоюзной ассоциации китаеведов АН СССР (1986–1991). Ведущий научный сотрудник Института теории и истории педагогики РАО (2001–2006), вице-президент Научного совета по сравнительной педагогике при РАО (2004–2010). Член Постоянного комитета Всемирного совета обществ сравнительной педагогике (World Council of Comparative Education Societies) (2003–2007); член Европейской ассоциации китаеведов (с 1988). Член международного редакционного совета серии “Studies in Comparative Education” издательства “Hong-Kong University-Springer” (2003–2012). Почётный доктор Шэньянского Педагогического университета (КНР, Шэньян, 2007). Советник ректора НИУ Высшей школы экономики по связям с КНР (2009–2014). Член Управляющего совета Международного Института планирования образования ЮНЕСКО (2008–2012).

Текст интервью:

СГ: Здравствуйте. Пожалуйста, расскажите о вашей семье, учёбе в школе. И почему вы выбрали изучение Китая?

НБ: Я – коренная москвичка, единственный и поздний ребёнок в семье родителей-интеллигентов. Родители в конце 1920-х гг. переехали в столицу из маленького украинского местечка Ромны, чем, как оказалось, не только спасли свои жизни, но и дали шанс появиться моей, ибо в годы войны все еврейское население городка было уничтожено. Отец был экономистом, а мать до войны преподавала французский язык в Военно-политической Академии им. В.И. Ленина (Москва). Военные годы я провела с мамой в эвакуации в Алма-Ате, где её брат работал инженером на метеостанции, а папа, не военнообязанный по возрасту, был эвакуирован с предприятием за Урал. После войны детство и юность прошли в старом центре Москвы на Сретенке, в уютном тогда Просвирином переулке. Училась в школе № 610, построенной на месте бывшей церкви Спаса в Пушкарях. Школа была замечательная и, хотя официально не относилась к спецшколам с преподаванием иностранного языка, служила «полигоном» для известного педагога-методиста, автора ряда учебников по английскому языку О.С. Хановой, поэтому английский нам преподавали с первого класса, уделяя особое внимание произношению. Любимым предметом всегда была литература, потому и язык хорошо чувствовала. Преподаватель в старших классах говорила: «Быть тебе, Боровская, редактором».

С ранних лет я много читала, очень любила русскую классику, особенно *Тургенева*¹, из поэтов – *Лермонтова*², а среди более поздних – доступных нам тогда *Есенина*³, раннего *Маяковского*⁴. Сама, конечно же,

---

¹ *Тургенев Иван Сергеевич* (181–1883). Великий русский писатель, поэт, публицист, драматург, переводчик.

² *Михаил Юрьевич Лермонтов* (1814–1841). Великий русский поэт, прозаик, драматург, художник.

³ *Есенин Сергей Александрович* (1895–1925). Великий русский поэт-лирик.

писала стихи. Участь в старших классах школы, ряд лет посещала литературную студию Московского Городского Дома пионеров в переулке Стопани, из стен которой вышло несколько замечательных писателей. Занятия вела обаятельная и тактичная Вера Ивановна Кудряшова, а курировала студию *Ольга Ивановна Высоцкая*⁵. Обе женщины были красивы и внешне, и внутренне. Неудивительно, что под влиянием Ольги Высоцкой я начала писать детские стихи. Писала неплохо, несколько стихотворений даже одобрил С.Я. Маршак, которому я, посланная официально от студии пригласить на какое-то торжество, трясущимися руками передала тетрадочку, где он и пометил крестиком наиболее удачные опусы (храню тетрадь до сих пор).

СГ: Чем вы увлекались помимо языков и литературы?

НБ: Окончила музыкальную семилетку по классу фортепиано, и до сих пор с нежностью и грустью храню память о красавице преподавательнице Наталии Яковлевне Пясковской, ушедшей из жизни в 37 лет, на следующий год после моего окончания школы (распущенные после купанья в реке и невысушенные длинные волосы вызвали менингит). Только благодаря её терпению училась я неплохо и дважды участвовала в отчётных школьных концертах в Большом и Малом залах Консерватории (один раз играла с подружкой в четыре руки «Танец с саблями» из балета Арама Хачатуряна «Гаянэ», в другой раз – «Вальс» Александра Глазунова в восемь рук на двух роялях). Посещение концертов в Консерватории было для нас регулярной «обязаловкой». Музыку люблю, но сама, к сожалению, давно не играю.

СГ: Когда и как вы сделали выбор будущей профессии?

НБ: К китаеведению пришла случайно, а к филологии – через любовь к литературе. Окончив среднюю школу с золотой медалью в 1958 году, я

---

⁴ *Маяковский Владимир Владимирович* (1893–1930). Один из крупнейших русских и советских поэтов XX в. Драматург, художник, публицист, деятель кино (актёр, режиссёр, сценарист).

⁵ *Высоцкая Ольга Ивановна* (1903–1970). Советская детская поэтесса, переводчица, драматург.

возмечтала стать литературным переводчиком. Узнав об этом, друг моего отца, получивший образование в Сорбонне, посоветовал изучать восточную литературу. Я увлеклась модной по кинофильмам конца 1950-х годов Индией и решила поступать на индийское отделение в созданный в 1956 г. *Институт восточных языков (ИВЯ) при МГУ*⁶. В то время стать студенткой этого элитного вуза было крайне сложно (помимо диплома требовалась рекомендация райкома комсомола), а девушкам особенно – их приём был ограничен 15–20% абитуриентов. А у меня были и личные осложнения: процентные ограничения по национальному признаку (2% согласно составу населения, – как потом потихоньку шепнул моей расстроенной маме тогдашний ректор ИВЯ). Поэтому, несмотря на золотую медаль (как правило, золотых медалистов было не более 1–2-х человек на каждый выпуск школы), в первый год мне не удалось пробиться сквозь искусственно создаваемые баррикады. Судите сами, случайно или нет, но за письменное сочинение я получила четвёрку за две «ошибочки»: преподаватель вставил как пропущенную запятую между подлежащим и сказуемым (!), а ещё исправил синтаксис в цитате согласно современным правилам, хотя вполне допускалось использованное мною авторское написание. В результате апелляции оценку исправили, объяснив, что из-за загруженности, преподаватели часто проверяют работы ночью в сонном состоянии. На устных экзаменах с подобными придирками бороться было сложнее.

Но я не сдавалась (о, пыл и вера юности!), весь год зарабатывала трудовой стаж (в те годы молодёжь, имевшая двухгодичный стаж, получала преимущества при поступлении), работая музыкальным руководителем в детском саду (да здравствует музыкальная школа!). И через год, в 1959 г., я всё-таки была принята в ИВЯ.

---

⁶ *Институт восточных языков при МГУ (ИВЯ)*. Создан в 1956 г. на базе ряда кафедр исторического и филологического факультетов МГУ, где изучение языков и культур Востока ведётся с 1750-х гг. В 1972 г. ИВЯ реорганизован и переименован в Институт стран Азии и Африки МГУ (ИСАА), где ныне функционируют филологическое, историческое, социально-экономическое и политологическое отделения.

СГ: Вас зачислили на индийское отделение?

НБ: Вовсе нет. После сдачи экзаменов оказалось, что меня, вопреки заявлению, зачислили на китайское отделение. В те годы китаисты с трудом находили работу, да я и не интересовалась Китаем, поэтому так расстроилась, что даже хотела забрать документы. Однако не сделала этого – конкурс был огромный, и я гордилась, что всё-таки прорвалась в университет.

СГ: Как проходило обучение в вузе, с кем вы учились, какие преподаватели и дисциплины вам больше нравились?

НБ: Социальный состав студентов был весьма пёстрым: это и детки крупных боссов (из девушек выделялась дочка главного редактора «Правды» П.А. Сатюкова), и достаточно взрослые люди, имевшие стаж работы, и выходцы из семей интеллигенции, и поступившие по отдельным квотам представители советских республик (многие из них – отпрыски крупных руководителей).

В те годы в ИВЯ было только два отделения: историческое и филологическое. Я, конечно, выбрала филологию. Студентов-китаистов оказалось больше, чем в других языковых группах, поэтому создали две китайские группы, где я была единственной девушкой. Я также оказалась единственной, кто после окончания Института выбрал путь китаевода и неизменно шёл по нему всю жизнь. Остальные ребята либо рано ушли из синологии (как *Александр Тюрин*⁷), либо сменили языковой профиль, ушли в журналистику или общественную деятельность (например, *Мурат Ауэзов*⁸, сын известного казахского писателя Мухтара Ауэзова). Дело в том, что нам преподавали два восточных языка: основной (китайский) и второй на выбор. Я немного учила вьетнамский, который вскоре полностью забыла, а другие ребята – индонезийский или ещё какие-то языки.

---

⁷ *Тюрин Александр Юрьевич* (1942 г.р.). Китаевед, к.и.н. (1973). Окончил ИВЯ (1965). Сотрудник ИДВ АН СССР (1965–1976), ИНИОН АН СССР/РАН (1976–1998). В настоящее время живёт в Израиле.

⁸ *Ауэзов Мурат* (1943 г.р.). К.филол.н. (1969). Общественный деятель, дипломат. С 1970 г. занимал руководящие посты в Казахстане. Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Казахстан в КНР (1992–1995). Президент Фонда Мухтара Ауэзова (с 2007 – по наст. вр.).

Но, всё же, душа моя тогда принадлежала Индии, и дружила я в основном с группой хинди, участвовала во всех их вечеринках. С одним из индологов – *Александром Сенкевичем*⁹, бесшабашным поэтом, пронесла дружбу через всю жизнь.

Нам также преподавали два западных языка: у китаеведов основным был английский с прекрасными преподавателями, которых не могу не помянуть добрым словом – это незабвенные *Ольга Васильевна Брянцева* (преподавала на рубеже 1950–1960-х гг.) и *Л.В. Богаева*¹⁰. Высокий уровень подготовки дал мне возможность прекрасно овладеть английским, что весьма пригодилось в научной карьере. Вторым западным языком я выбрала французский, но сейчас только читаю со словарём.

СГ: Какие курсы вы изучали в институте?

НБ: Нам читали много страноведческих курсов, например, физическую и экономическую географию Китая. Весьма положительно сказывались на нашей студенческой подготовке курсы по общему языкознанию и литературоведению, по истории литератур зарубежного Востока. Обязательными в программе были и такие общественные дисциплины как история философии, политическая экономия и, конечно, история КПСС, на которые собирались студенты всех языковых групп.

На старших курсах историю и экономику Китая преподавал *М.С. Капица*¹¹, который к великому удовольствию студентов вставлял в лекции эпизоды (зачастую фривольные), своих встреч с известными фигурами политической жизни Китая 1940-х годов. Поэтому сокурсники часто умоляли меня не приходить на лекции М.С. Капицы, чтобы тот чувствовал себя свободней в мужском обществе. Зато когда мы вставали, приветствуя его

---

⁹ *Сенкевич Александр Николаевич* (1941 г.р.). Д.ф.н. (1990). Советский и российский индолог, литературный переводчик, поэт и писатель. Член Союза российских писателей.

¹⁰ *Богаева Людмила Васильевна* (1929–2015). Преподаватель ИВЯ (с 1960), зав. кафедрой западноевропейских языков (1971–1973), доцент ИСАА, заслуженный преподаватель МГУ, автор учебников по английскому языку.

¹¹ *Капица Михаил Степанович* (1921–1995). Историк-востоковед, дипломат. Член-корр. РАН. Директор Института востоковедения РАН (1987–1994).

появление в нашей небольшой аудитории, он величественно кивал мне: «Дамы сидят».

СГ: Кто ещё преподавал вам в те годы?

НБ: Заведующим кафедрой китайской филологии был известный и уважаемый профессор *Алексей Петрович Рогачёв*¹². Мне очень повезло: все годы китайский язык преподавала *Евдокия Ивановна Рождественская-Молчанова*¹³, замечательный строгий педагог и, как я поняла впоследствии, прекрасный переводчик. Курс древней китайской литературы вела профессор *Любовь Дмитриевна Позднеева*¹⁴. Под её руководством я написала несколько курсовых, одну – о поэте *Мэн Хао-жане*¹⁵, а дипломную – о женщинах-поэтессах танской эпохи: *Сюэ Тао*¹⁶ и *Юй Сюань-цзи*¹⁷. Эта дипломная работа была первым подходом к творчеству двух замечательных поэтесс и, на мой взгляд, не потеряла актуальности и по сей день, а некоторые сделанные в те годы переводы их стихов я недавно опубликовала¹⁸. К сожалению, нынешние молодые китаеведы мало интересуются и плохо знают сделанное предыдущими поколениями. Вот пример – некая студентка восточного факультета в 2012 г. на сайте «Высокая поэзия» объявила о своём решении изучать биографию и творчество Сюэ Тао и переводить её стихи (<http://highpoetry.clan.su/forum/32-1994-1>), но при этом ни словом не

---

¹² *Рогачёв Алексей Петрович* (1900–1981). Китаевед-филолог, дипломат, переводчик китайских классических романов «Речные заводы» и «Путешествие на Запад». Заведующий кафедрой китайской филологии ИВЯ при МГУ (1959–1963).

¹³ *Рождественская (Молчанова) Евдокия Ивановна* (1922–2014). Окончила МИВ (1947). Китаевед, преподаватель, переводчик. К.филол.н. (1963), доцент (1974). Преподавала в МИВ (1947–1948, 1950–1954), ИВЯ/ИСАА при МГУ (1956–1986).

¹⁴ *Позднеева Любовь Дмитриевна* (1908–1974). Китаевед, специалист по древней китайской литературе. Д.филол.н. (1956), профессор. В МГУ с 1944 г., зав. кафедрами: восточных языков истфака (1949–1954), китайской филологии филологического фак-та (1954–1956) и ИВЯ при МГУ (1956–1959).

¹⁵ *Мэн Хао-жань* (689/691–740). Известный поэт династии Тан.

¹⁶ *Сюэ Тао* (768–831). Известная средневековая китайская поэтесса.

¹⁷ *Юй Сюань-цзи* (ок. 844–871). Известная средневековая китайская поэтесса.

¹⁸ Н.Е. Боревская, С.А. Торопцев. Китайская культура во времени и пространстве. Москва, Форум. 2010. С.430–432.

упомянула ни о книге *Д. Масалимовой*¹⁹, ни о переводах М.И. Басманова²⁰ (понятно, что о моей дипломной она не могла знать).

Курс средневековой китайской литературы читали всегда застенчивый *В.С. Манухин*²¹ и выдающийся литературовед – *Дмитрий Николаевич Воскресенский*²², с которым я и мой муж на всю жизнь сохранили тёплые отношения, но уже как коллеги. В 2016 г. нам посчастливилось, будучи в Москве, лично поздравить его с 90-летним юбилеем, а уже в 2017 г. мы с грустью проводили его в последний путь.

ВГ: Можете ли что-то ещё вспомнить об этих преподавателях?

НБ: С В.С. Манухиным у меня связаны и очень личные воспоминания. Именно он однажды сказал мне, тогда ещё первокурснице: «Нина, вы так увлекаетесь поэзией, вам надо познакомиться с Сергеем Торопцевым! Он учится на третьем курсе и тоже неплохо переводит». Он представил меня этому высокому красивому парню, который более десятилетия спустя стал моим мужем. Соединение наших судеб, очевидно, действительно было предрешено в космическом пространстве, ибо как по иному расценить провидческий сон Л.Д. Позднеевой. Однажды, когда я пришла к ней домой на очередную консультацию по диссертации, она задумчиво произнесла: «Знаете, Нина, мне приснился странный сон, будто вы вышли замуж за Торопцева. Вы знаете этого студента?». Я была потрясена не меньше её, ибо на тот момент мы были едва знакомы с Сергеем. Но Любовь Дмитриевна тут же решительно добавила: «Даже если выйдете замуж, все равно будем продолжать работу – после родов дам неделю отдыха, не больше». Как это

---

¹⁹ Д.Д. Масалимова. Женская поэзия эпохи Тан (618–907 гг.). Москва. 2009.

²⁰ *Басманов Михаил Иванович* (1918–2006), поэт, переводчик с китайского языка, дипломат. Его переводы Сюе Тао см. Иностранная литература, 1989, № 10, 164–171.

²¹ *Манухин Виктор Сергеевич* (1926–1974). Китаевед, литературовед, доцент ИВЯ МГУ им. М. В. Ломоносова. Известен как автор перевода на русский язык и исследователь романа-эпопеи «Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе» (XVI в.).

²² *Воскресенский Дмитрий Николаевич* (1926–2017). Китаевед, литературовед, переводчик. Преподаватель ИВЯ/ИСАА МГУ (с 1960). Заслуженный преподаватель МГУ (1999), проф. Литературного института им. М. Горького. Член Союза писателей СССР (с 1982).

было в её стиле – наука всегда стояла у неё на первом месте! Консультации проходили в её квартире, но я никогда не могла себе представить Любовь Дмитриевну выполняющей обычную домашнюю работу. До сих пор помню своё потрясение, когда она посреди какой-то учёной фразы сказала, что, кажется, кипит бульон, и, продолжая рассуждения, прошла на кухню!

ВГ: А чем запомнился Дмитрий Николаевич Воскресенский?

НБ: Деликатностью, погружённостью в излагаемый материал. Да и ничего удивительного, – учебник средневековой литературы для ИВЯ тогда только составлялся, Дмитрий Николаевич увлечённо изучал романы и повести XVII–XVIII вв., и со второй половины 1960-х до середины 1970-х гг. мы не раз встречались с ним на ежегодно проходивших на Восточном факультете ЛГУ форумах «Теоретические и практические проблемы изучения литератур Дальнего Востока». Учебник был опубликован в 1970 г.²³, и мы оказались с Дмитрием Николаевичем под одной обложкой в разделе «Китайская литература» (подраздел «Народные книги и романы»).

СГ: Трудно ли было осваивать китайский язык и другие предметы?

НБ: В то время, когда я училась, студенты, как и сегодня, по-разному относились к учёбе: некоторые днями просиживали в кафе, но я была «зубрилкой». У нас было много часов китайского языка и приходилось очень много заниматься. К учёбе, как и ко всему в жизни, относилась и отношусь серьёзно и добросовестно. Именно поэтому я стала «круглой отличницей», а последние три курса (всего было шесть лет обучения) – единственной студенткой от ИВЯ, получавшей Ленинскую стипендию. Это была высокая честь и некоторая добавка к скромному бюджету семьи.

СГ: Когда вы перестали жалеть, что попали на китайское отделение?

---

²³ Литература Востока в средние века, т. 1. М.: Изд-во «Московский Университет», 1970.

НБ: Благодаря прекрасным учителям и хорошим успехам в учёбе я постепенно увлеклась Китаем, восхищалась его культурной традицией. Моё решение после окончания института заниматься изучением китайской литературы и делать переводы крепло.

Процесс обучения был в основном лекционным, включал много домашних заданий, но главными потерями считаю две. До сих пор не прощу себе, что, по легкомыслию молодости и псевдо занятости изучением китайского, не воспользовалась советом Л.Д. Позднеевой походить на тогда ещё соседний филфак и послушать лекции самого *А.А. Аникста*²⁴. И вторая потеря – отсутствие институтской языковой стажировки, которую до того имели на последнем году обучения практически все студенты китайского отделения. Но мой 6-й курс пришелся на 1964–1965 гг. – канун «культурной революции» в КНР, и хотя меня вместе с ещё одним однокурсником рекомендовали на стажировку, поехать не пришлось. Из-за политической ситуации я на многие годы осталась китаеведом-заочницей и впервые попала в страну спустя почти 20 лет после окончания Института.

СГ: Как решился вопрос с вашей стажировкой?

НБ: Вместо поездки в КНР я проходила языковую стажировку с английским языком в Иностранной комиссии Союза писателей СССР, что было по-своему интересно. Мне приходилось работать переводчицей со многими зарубежными писателями, приезжавшими с визитами в СССР, больше всего с американскими. В частности, я соприкоснулась с таким ныне классиком литературы как *Джон Андайк*²⁵, а также с известным поэтом-битником *Алленом Гинзбергом*²⁶, под влиянием которого на время увлеклась переводом поэзии этого направления.

---

²⁴ *Аникст Александр Абрамович* (1910–1988). Литературовед, к.филол.н. (1940), доктор искусствоведения (1963). Заслуженный деятель искусств РСФСР (1987). В 1949–1978 гг. читал лекции на филфаке МГУ (кафедра славянской филологии).

²⁵ *Джон Хэйер Андайк* (1932–2009). Популярный американский писатель.

²⁶ *Ирвин Аллен Гинзберг* (1926–1997). Американский поэт, основатель литературного направления битничества.

СГ: Как начиналась ваша профессиональная деятельность, как шло продвижение по службе и в научных исследованиях?

НБ: В 1965 г. я закончила ИВЯ и получила диплом с отличием, в котором моя специальность была обозначена как «восточные языки и литература». По совету однокурсника, устроилась на работу в Институт экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС) АН СССР. Меня приняли сначала в качестве стажёра-исследователя, а затем младшего научного сотрудника с зарплатой 105 руб.

ВГ: Судя по названию института, эта работа имела мало общего с вашей специальностью.

НБ: Да, к сожалению, это так. Но я, конечно, не оставляла мечту заняться литературным переводом. Начало моей трудовой деятельности в ИЭМСС совпало с поступлением в заочную аспирантуру ИВЯ при МГУ. Тут и началось раздвоение личности. Дело в том, что ИЭМСС, одним из руководителей которого в то время был нынешний патриарх российского китаеведения *Сергей Леонидович Тихвинский*²⁷, не интересовала культурологическая тематика. В фокусе исследований находились социологические и экономические проблемы. Учёным секретарём Института был нынешний академик *Владимир Степанович Мясников*²⁸. Там же я познакомилась и с его женой – *Светланой Даниловной Марковой*²⁹, с которой

---

²⁷ *Тихвинский Сергей Леонидович* (1918 г.р.). Советский и российский историк-китаевед, дипломат, д.и.н. (1953), действительный член АН СССР (1981) и РАН (1991). Лауреат Государственных премий СССР и РФ. Дипломатическая работа в Китае, Англии, Японии (1939–1957). Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР (с 1966). Директор Института китаеведения (1960–61), зам. директора Института народов Азии (1961–1963) и ИЭМСС (1963–1964), ректор Дипломатической академии (1980–1986) и академик-секретарь Отделения истории АН СССР (1981–1988). Почётный председатель Национального комитета российских историков (с 1994) и Общества российско-китайской дружбы (с 2003). В наст. вр. – г.н.с. ИДВ РАН.

²⁸ *Мясников Владимир Степанович* (1931 г.р.). Востоковед, китаевед, д.и.н., профессор, академик РАН (1997). Специалист по истории российско-китайских отношений, истории внешней политики, исторической биографии. Заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы

²⁹ *Маркова Светлана Даниловна* (1929–2001). Китаевед, автор книг о судьбах китайской интеллигенции в XX в. и о её выдающихся представителях.

мы впоследствии многие годы работали в одном секторе в *Институте Дальнего Востока (ИДВ) АН СССР*³⁰ и очень дружили. Мой непосредственный начальник, известный китаевед-социолог и экономист *Виля Гдаливич Гельбрас*³¹, с удивительным прозрением предложил мне заниматься проблемами образования в КНР.

СГ: Интересна ли была для вас эта тема?

НБ: Тогда – нисколько! Не имея никакой социологической подготовки я не испытывала ни малейшего интереса к данной проблематике. Однако мне повезло, что работу курировал В.Г. Гельбрас: он предложил разработать специальную картотеку для записи состояния образования по провинциям и городам КНР, а также составить персоналии на руководителей системы образования. И всё же, несмотря на удачный старт, вскоре на мои незрелые исследования легла чёрная тень острого политического конфликта между Россией и Китаем, да к тому же в Китае началась «культурная революция» и учебные заведения были на время закрыты. Поэтому первые статьи по образовательной тематике в основном были посвящены обличению маоистской линии в образовании. При отсутствии опыта научной работы, этиopus носили скорее журналистский характер. Кроме того, мне было крайне трудно вести какие-то серьёзные исследования в ИЭМСС по одной тематике и параллельно писать диссертацию по совершенно другой теме из другой эпохи.

СГ: По какой теме вы писали диссертацию? Почему именно на неё пал ваш выбор?

НБ: Тему диссертации мне порекомендовала Л.Д. Позднеева, которая и стала моим научным руководителем. Это было исследование средневекового

---

³⁰ Создан в 1966 г. Главной задачей является комплексное изучение проблем стран Дальнего Востока и отношений СССР/РФ с этими государствами. С начала 1990-х гг. – Институт Дальнего Востока РАН.

³¹ *Гельбрас Виля Гдаливич* (1930 г.р.). Ведущий китаевед-экономист. К.э.н. (1962), д.и.н. (1980). Профессор (1983). Сотрудник ИЭМСС АН СССР (1964–1967). Профессор ИСАА МГУ (с 1992), г.н.с. ИЭМСС РАН (с 2000).

романа Ло Мао-дэна «Плавания Чжэн Хэ по Индийскому океану.1597» (*Сань бао тайцзянь ся Сиян тунсу яньи* 羅懋登. 演義三寶太監西洋記通俗)). В тот же период замечательный специалист по средневековой истории Китая и интеллигентнейший человек *А.А. Бокщанин*³² опубликовал свой анализ эпохальных семикратных экспедиций этого великого китайского флотоводца к берегам Индии и Африки в первой четверти XV в. Поэтому было очень интересно проследить, как преломлялись исторические события в так называемой простонародной литературе полтора столетия спустя, тем более, что в нашей стране роман не изучался вовсе, да и в европейской литературе в то время сведения о нём были достаточно скудные.

Заочная аспирантура предоставляла 4 года для написания и защиты диссертации. И я на всю жизнь храню благодарность к Л.Д. Позднеевой, которая не только плотно опекала и чутко наставляла меня, но и жёстко организовывала мою работу: она требовала, чтобы я еженедельно приносила свой краткий отчёт в виде нескольких написанных страничек. И если бы не её твердая рука и огромные знания, я не завершила бы диссертацию вовремя. Она помогала мне понять трудный средневековый текст, разобраться в его литературных достоинствах и философских наслоениях. Более того, она сама бойко печатала на пишущей машинке (в то время редкость для старшего поколения учёных) и настойчиво требовала, чтобы и я научилась печатать. Я немедленно последовала этому совету, за что впоследствии не раз благодарила её в душе.

В период написания диссертации я приобщилась к китаеведческим конференциям. Так, уже в октябре 1966 г. я выступила на литературной секции международного Симпозиума по теоретическим проблемам

---

³² *Бокщанин Алексей Анатольевич* (1935–2014). Китаевед-историк, д.и.н. См. Бокщанин А.А.: Китай и страны Южных морей в XIV и XVI вв. // АН СССР. Ин-т народов Азии. М.: ГРВЛ. 1968.

восточных литератур в Институте народов Азии АН СССР³³, на которой присутствовал безмерно почитаемый и по сей день чешский синолог-литературовед, академик *Ярослав Прушек*³⁴. Как часто бывает в жизни, радость и горе идут рука об руку – позвонив домой после удачного доклада, я узнала о скоропостижной смерти моего горячо любимого отца.

Я уже упоминала, что во второй половине 1960-х и в 1970-е гг. неоднократно делала доклады на весьма престижных ежегодных ленинградских конференциях по литературам стран Дальнего Востока. Помимо опыта презентаций, это давало возможность публикаций, поскольку материалы конференций обычно выпускались серьёзными сборниками³⁵. Поездка 1974 г. запомнилась особо – именно после этой конференции, где мы вместе выступили, мы с Сергеем Торопцевым и поженились. Забегая далеко вперёд скажу, что почти 40 лет спустя, в 2012 г., будучи уже бабушкой и дедушкой многочисленных внуков, мы снова вдвоём отправились теперь уже не в Ленинград, а в Питер – на возобновлённые с 2004 г. те самые замечательные литературные форумы – на V Международную научную конференцию «Проблемы литератур Дальнего Востока».

ВГ: Я свидетель вашего возвращения на эту конференцию, так как тоже в ней участвовал. Однако хотелось бы узнать подробнее о ваших публикациях по теме диссертации.

НБ: Ко времени защиты в 1970 г. у меня уже имелось несколько солидных публикаций, некоторые из которых представляют, с моей точки зрения, интерес и по сегодняшний день. Особенно дорога мне статья,

---

³³ Ныне *Институт востоковедения РАН* (ИВ РАН). Один из старейших научных институтов в России, переведен в Москву в 1950 г. В Ленинграде осталось отделение (ЛЮ ИВ АН СССР, ныне – Институт восточных рукописей РАН).

³⁴ *Průšek Jaroslav* (1906–1980). Основатель пражской школы синологии, литературовед. Директор Восточного Института Чехословацкой АН (1963–1966). Профессор Пражского университета. С 1967 г. жил и работал в США.

³⁵ См. мои статьи в сборниках: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., Наука, 1970, с. 75–81 и М., Наука, 1977, с. 114–120; Литература народов Востока. М., Наука, 1970, с. 52–63; Литература стран Дальнего Востока. М., Наука, 1979, с. 54–61.

тематика которой была подсказана Л.Д. Позднеевой – это сравнительный анализ романа Ло Мао-дэна о плаваниях китайского флотоводца Чжэн Хэ и поэмы португальского поэта XVI века Луиса Камоэнса о путешествиях *Васко да Гамы*³⁶. Возможно, Любовь Дмитриевна знала, что ещё в 1960 г. знаменитый английский географ и путешественник *Frank Debenham*³⁷ впервые Чжэн Хэ назвал «китайским Васко да Гамой». Зато моя статья появилась задолго до подобной, хотя и более глубокой публикации американского историка *Роберта Финлэй* (1992 г.)³⁸.

СГ: Как долго вы проработали в ИЭМСС?

НБ: Всего год. С начала 1967 года я перешла на должность младшего научного сотрудника во вновь созданный Институт Дальнего Востока, где и проработала вплоть до выхода на пенсию в 2014 г. Пригласил меня туда назначенный заведующий сектором культуры *Владислав Фёдорович Сорокин*³⁹. В этом небольшом дружном коллективе трудились уже упомянутая С.Д. Маркова, *Ирина Владимировна Гайда*⁴⁰, *Вадим Львович Сычёв*⁴¹, *Сергей Аркадьевич Торонцев*⁴² и несколько других коллег. До конца

---

³⁶ «Народы Азии и Африки», М., 1969, № 4, с.110–116.

³⁷ *Frank Debenham* (1883–1965). Английский географ и путешественник, исследователь Антарктики, почётный профессор Кембриджского университета, первый директор Института полярных исследований имени Скотта.

³⁸ *Robert Finlay*. Portuguese and Chinese Maritime Imperialism: Camoes's Lusiads and Luo Maodeng's Voyage of the San Bao Eunuch // *Comparative Studies in Society and History*, Vol. 34, No. 2, pp. 225–241.

³⁹ *Сорокин Владислав Фёдорович* (1927–2015). Китаевед-литературовед, переводчик. Д.филол.н. Заведующий сектором культуры ИДВ АН СССР (с 1967). Вице-президент Европейской ассоциации китаеведения (1980–1986).

⁴⁰ *Гайда Ирина Владимировна* (1926–?). Китаевед, специалист по традиционному и современному китайскому театру. Окончила МИВ (1951), канд. искусствоведения (1965). Стажировалась в Китае (1948–1950, 1972). Сотрудник ИДВ (1966–1998).

⁴¹ *Сычёв Вадим Львович* (1940 г.р.). Китаевед-искусствовед, окончил ИВЯ при МГУ (1965), к.и.н. (1971). Автор работ по изобразительному искусству Китая, книги по символике и истории китайского костюма, научного каталога по китайской гравюре XX в. Ведущий сотрудник, зам. директора по науке Государственного музея Востока (1965–1973, 1987–наст. время), сотрудник и Ученый секретарь ИДВ РАН (1973–1986).

⁴² *Торонцев Сергей Аркадьевич* (1940 г.р.). Китаевед, д.и.н. (1992). Специалист по средневековой и современной китайской культуре, переводчик классической поэзии. Окончил ИВЯ при МГУ (1963). Стажёр Пекинского университета (1962–1963).

1970-х гг., ведя тему «Образование в КНР», я в свободное время продолжала исследования китайских романов XVI–XVII вв. К эпосе Ло Мао-дэна добавился роман «Возведение в ранг духов» (*Фэн шэнь яньи* 封神演義 – мой перевод «Удел бессмертия»), которому посвящено несколько моих публикаций⁴³.

Одновременно я всё глубже погружалась в тему «Школа в КНР», и в 1974 г. опубликовала первую небольшую книжку⁴⁴. После этого вместе с коллегами мы подготовили более обширное исследование, включавшее также сферу высшей школы и науки⁴⁵. В те годы солидные плановые труды сотрудников Института, как правило, печатало издательство «Наука». Мы не получали гонораров, но государство оплачивало публикацию, о чем по нынешним временам можно только мечтать.

ВГ: Чем вы занимались после издания этих книг?

НБ: После выхода второй книги руководство Института прочно закрепило за мной тему «Образование в КНР», что была крайне актуально, ибо в 1980-е годы Китай приступил к масштабным реформам, а с начала 1990-х гг. я осталась единственным специалистом по данной тематике, к сожалению, не только в ИДВ, но и в РФ. В тот период мне пришлось сосредоточиться на социально-политическом и экономическом аспектах образовательных реформ, хотя мои исследования ещё не выходили за рамки китаеведения.

После публикации достаточного количества статей и двух книг завсектором культуры В.Ф. Сорокин написал представление тогдашнему директору ИДВ *М.И. Сладковскому*⁴⁶ о переводе меня в старшие научные

Сотрудник ИДВ РАН (1967–2014). Заслуженный деятель науки РФ (2002). Член Союза кинематографистов России (с 1983). Иностраный член Общества Ли Бо (КНР).

⁴³ Вера и бунт в романе «Удел бессмертия». //Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., Наука, 1977, с. 114–120; Комическое в китайском романе XVI–XVII вв.//Литература стран Дальнего Востока. М., Наука, 1979, с. 54–61.

⁴⁴ Боровская Н.Е. Школа в КНР. 1957–1972 гг.. М.: Наука, 1974.

⁴⁵ Антиповский А.А., Боровская Н.Е., Франчук Н.В. «Политика КНР в области науки и образования. 1949–1979 гг.». М.: Наука, 1980.

⁴⁶ *Сладковский Михаил Иосифович* (1906–1985). Китаевед, д.э.н. (1958). Членкор АН СССР (1972). Директор ИДВ АН СССР (1967–1985).

сотрудники. Однако директор, экономист по образованию, не придавал культурологическим исследованиям большого значения (называл их «кружевами») и согласия не дал.

СГ: Когда вы, наконец, впервые попали в Китай и как это произошло?

НБ: 1984 год отмечен огромным событием в моей научной жизни – я впервые полетела в Китай, прямо скажу, на крыльях счастья! Это стало возможным благодаря общественно-политическим изменениям в КНР и улучшению отношений между нашими странами. По приглашению Министерства образования СССР меня в качестве эксперта включили в первую после двадцатилетнего перерыва немногочисленную делегацию ректоров советских вузов, возглавляемую *Г.А. Ягодиным*⁴⁷, вскоре после того визита назначенным министром образования. Я благодарна судьбе за то, что она подарила мне встречу с этим удивительным человеком – родившийся в деревне, он был истинно русским интеллигентом, человеком не только обширных знаний, но и тонкого ума и чуткого сердца, что подразумевало и его способность слышать и понимать время и содействовать прогрессу. Делегация посетила несколько городов, 12 университетов. В этой поездке я не только впервые на практике познакомилась с работой китайских вузов, но и установила необходимые профессиональные контакты.

СГ: Помните ли вы свои впечатления от первой встречи с Китаем?

НБ: Поначалу – ужас и трепет. Лишённая на протяжении двух десятилетий после окончания вуза возможности слышать устную речь и говорить по-китайски, я была буквально парализована страхом, мне казалось, что встречающий произносит речь на каком-то вовсе незнакомом языке. А когда вечером на приёме в ресторане «Пекинская утка» Геннадий Алексеевич

---

⁴⁷ *Ягодин Геннадий Алексеевич* (1927–2015). Член-корреспондент РАН, академик РАО, д.хим.н. (1971). Ректор МХТИ (1973–1985), министр высшего и среднего специального образования СССР (1985–1988), Председатель Государственного комитета СССР по народному образованию (1988–1991), ректор Международного университета в Москве (1991–2001).

попросил меня перевести ответную речь советской делегации, руки мои так дрожали, что я и потом не могла удержать «куайцзы» и так и не насладились знаменитым блюдом. Поездка была чрезвычайно интенсивной, по несколько встреч и бесед в день. Постепенно мои языковые навыки восстановились, чему помогало и знание тематики, и сердечная поддержка главы делегации. Не скрою, я испытывала гордость, выступая в роли эксперта на таком высоком уровне. Меня поразила заинтересованность и доброжелательность встречавшихся с нами руководителей крупных вузов КНР. Сильным впечатлением осталось знакомство с такими знаковыми достопримечательностями Пекина, Шанхая, Харбина, о которых раньше знала только по книгам.

СГ: Как скоро вы попали в Китай снова?

НБ: К счастью, очень скоро. К середине 1980-х гг. министерство образования СССР восстановило обмен студентами, стажёрами и преподавателями с китайскими вузами, и ИДВ получил квоты в этом обмене. В 1985 г. Институт направил меня вместе с ещё несколькими сотрудниками на полугодовую стажировку в Первый Пекинский Институт иностранных языков. Нас опекала преподаватель русист *Бин Бинь*⁴⁸, которую мы ласково звали Биночка, – удивительно тёплый и душевный человек (её муж погиб в «культурную революцию»). Мы и после стажировки сохраняли дружеские отношения, а в начале голодных 1990-х гг. она буквально спасла мою семью – приехав на работу в одну из открывавшихся тогда в Москве китайских фирм, Биночка помогла мне устроиться туда на полставки переводчиком.

Во время стажировки я не только познакомилась воочию с жизнью страны, пропутешествовав с друзьями по 20 городам, но и побывала в ряде школ и вузов, беседовала с преподавателями и руководителями учебных заведений, отделов образования. Особенно глубокое впечатление оставило

---

⁴⁸ *Бин Бинь* 冰宾 (1930 г.р.) Педагог-русист. После окончания вуза в КНР, окончила Пединститут им. Герцена (1956, Ленинград). Доцент Первого Пекинского института иностранных языков (1957–1989).

посещение Хунаньского университета в Чанша. Нас восхитила живописность университета, раскинувшегося у подножья гор, и особенно остатки древней академии Юэлу⁴⁹ – вот уж никогда бы тогда не подумала, что через два десятилетия буду писать об академиях (*shu yuan*) в очерке истории китайской школы! Но главным было то, что руководство университета, к тому моменту заполненного американскими педагогами, а в 1950-е годы имевшее тесные связи с советскими вузами, очень обрадовалось нашему случайному приезду. Ректор устроил для нас, двоих стажёров, приём в лучшем ресторане города, на который пригласил всех преподавателей университета, обучавшихся в СССР. Это была полезная и трогательная встреча! Правда, она чуть было не сорвалась из-за того, что я, любительница рыбы, не прерывая оживлённой беседы, умудрилась подавиться рыбной костью. Но заботливые хозяева тут же отправили меня на машине к врачу, который жестом фокусника вытащил кость из горла! Меня вернули в ресторан – и беседа продолжалась!!! Мы отправились дальше в пленивший ароматами коричных рош Гуйлинь, где я воочию увидела многослойные островерхие горные пики в таинственной дымке, казавшиеся мне ранее плодом воображения средневековых китайских художников. В Гуанчжоу добирались ночным поездом. Вагоны не отапливались (юг!!!), но зимний холод (декабрь) был таким пронизывающим, что я не смогла улежать на своей третьей полке (в китайских плацкартах полки громоздились в три яруса) и всю ночь бегала по проходу в тёплой куртке, притоптывая сапогами и пытаюсь согреться. Добравшись до Гуанчжоу (днём было 18–20 градусов тепла), мы отправились смотреть знаменитый буддийский Храм предков в Фошани⁵⁰. Меня потрясло его уникальное главное здание, украшенное драгоценными произведениями средневекового искусства (гигантское бронзовое зеркало, тренога, колокол и курильница). Вдоль всего карниза оно богато и изящно декорировано

---

⁴⁹ Одна из четырёх самых известных древних академий Китая, её строительство началось в 976 г.

⁵⁰ 祖庙 – построен в XI в., перестраивался в XIV в.

бесчисленными яркими резными фигурками из керамики, дерева и гипса, изображающими разнообразнейшие сценки из местной драмы, которой в древности был славен Фошань. Этот храм остался моим любимым, хотя очень впечатлил и расположенный на склонах горы около университета храм в Сямыне. Хорошо учиться в университете, расположенном у моря, думала я тогда, несмотря на явную незаинтересованность сотрудников университета в контактах с советскими специалистами. Кто мог представить, что двадцать лет спустя меня с почётом пригласят на проходящую в Университете международную конференцию – мы оба изменились, университет и я!

СГ: Какие ещё провинции и уголки Китая вы посетили в той поездке?

НБ: Далее мы отправились в Фучжоу, столицу провинции Фуцзянь, где остановились в общежитии расположенного в пригороде Университета. До сих пор с содроганием вспоминаю, как вместе с толпой направлявшихся в город студентов мы штурмовали редкие автобусы – до сих пор жаль нового модного плаща, рукав которого мне оторвали в давке. Из Фуцзяни ехали на рейсовом парходике в Шанхай – тогда они ещё ходили. Но когда мы проплывали мимо находившегося в пределах дальней видимости о. Тайвань, пассажиров в целях безопасности попросили покинуть палубы.

ВГ: Удачны ли были научные итоги вашей стажировки?

НБ: Чрезвычайно! Со стажировки я привезла кучу полезной литературы и бесценные результаты полевых исследований. Надо пояснить, что крупнейшая в стране Синологическая библиотека всегда находилась при ИДВ, а через дорогу от здания ИДВ располагался Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН). Через эти учреждения наш институт заказывал центральную и кое-какую местную прессу, а также по нескольким наименованиям специализированных журналов по разной тематике, в т.ч. и образованию. Однако в период стажировки я значительно пополнила свой научный багаж за счёт проработанных в китайских библиотеках и привезённых с собой ранее недоступных мне книг, газет и журналов. Но главное – личное общение с коллегами. Я постоянно консультировалась с

такими ведущими профессорами Пекинского педагогического университета (ППУ) как *Ли И-сянь*⁵¹, много сделавший для становления социологии образования в Китае, и с выдающимся компаративистом профессором *Гу Мин-юанем*⁵², с которым нас связывали и многолетние дружеские контакты.

Но, конечно же, я не рассталась со своей тягой к литературоведческим исследованиям. С начала 1980-х гг. я с удовольствием следила за появлением новых литературных имён и взлётом новой китайской литературы. Поэтому, оказавшись в стране, я организовала встречи и беседы с несколькими известными уже в то время писателями – *Ван Мэном*⁵³, знакомым нашей семье ещё по 1984 г., когда он проезжал через Москву в качестве участника Ташкентского кинофестиваля, а также с *Лю Синь-у*⁵⁴ и *Ван Ань-и*⁵⁵ (Шанхай).
СГ: Как повлияли ваши стажировки в Китае на направление и уровень ваших исследований?

НБ: Полугодовых стажировок на самом деле было две – вторая в 1990–1991 гг. Влияние обеих – колоссальное. После первой я опубликовала целый ряд

---

⁵¹ *Ли И-сянь* 厉以贤 (1931–2017). Специалист по социологии образования. Учился в Педагогическом институте им. Герцена (1955–1958). Преподаватель, затем профессор Педагогического института ППУ (1960–2008). Профессор Отделения педагогики ППУ (2009–2017). Председатель правления Всекитайского научного общества социологии образования (с 1979), председатель Всекитайского комитета регионального образования, член Международной ассоциации по образованию в общине (ICEA).

⁵² *Гу Мин-юань* 顾明远 (1929 г.р.). Ведущий специалист в области сравнительной педагогики в КНР. Учился в СССР (1951–1956). Более 50 лет проработал в ППУ, занимая руководящие посты вице-президента и декана Отделения магистратуры и аспирантуры. Главный редактор трёх ведущих педагогических журналов КНР, в т.ч. журнала «Обзор сравнительной педагогики» (с 1965). Президент (1983–2002) а затем Почётный президент основанного им Китайского общества сравнительной педагогики. Президент китайского общества образования (с 2000). Профессор Института международных и сравнительных исследований ППУ.

⁵³ *Ван Мэн* 王蒙 (1934 г.р.). Китайский писатель, переводился в России. Член ЦК КПК (1985–2003), министр культуры КНР (1986–1989). С 1985 г. – зам. председателя Союза кит. писателей, зам. председателя кит. ПЕН-клуба, ректор Института литературы университета Хайян.

⁵⁴ *Лю Синь-у* 劉心武 (1942 г.р.). Писатель. Многие сборники его рассказов и повестей переведены на западные языки, в т.ч. на русский.

⁵⁵ *Ван Ань-и* 王安忆 (1954 г.р.). Писательница, председатель шанхайского отделения Союза китайских писателей, профессор Фуданьского университета. Её рассказы переводились на русский.

статей о молодом поколении китайских писателей, одна из них была переведена и опубликована в КНР⁵⁶. Из собранных материалов получилась глава в сборнике «Молодой герой в литературе и литература о молодом герое»⁵⁷.

Моя вторая полугодовая стажировка в КНР проходила в Нанкинском педагогическом университете (НПУ). До сих пор с наслаждением вспоминаю его прекрасный кампус со старыми корпусами на переднем плане. И, конечно, оглушительный неумолчный стрёкот цикад, и влажную жару конца сентября – начало моей стажировки. Незабываемым остаётся и восхождение со столь же отчаянной *Мариной Кравцовой*⁵⁸ и ещё несколькими стажёрами на *Хуаншань*⁵⁹. В качестве прелюдии вспоминаю нереальную по нынешним комфортным временам поездку на поезде из Нанкина в ближайший к подножью горы населённый пункт. В зале ожидания Нанкинского вокзала несколькими длиннющими рядами выстроилась очередь – на перрон пускали только при появлении поезда, после чего начинался его штурм. Навидавшиеся подобного, мы заискивающе обратились к дежурной, и та, за несколько минут до заветного «марш-броска», встала на скамью и через рупор обратилась к залу: «Товарищи, среди нас четверо гостей-иностранцев. Пустим их первыми?». «Пустим!», – взревел зал. Мы проскользнули в чуть приоткрывшуюся для нас дверь, пулей ринулись по пустынному перрону и в мгновение ока заняли наши заветные сидячие места. И вовремя! Пассажиров в поезде оказалось раза в два больше, чем мест, а поезд-то был ночной, поэтому не имевшие мест и стар, и млад спали на полу в проходах. В это

---

⁵⁶ «Китайская молодёжь в литературе и в жизни». // Новое время, М., 1987, № 43. Перевод см. газета «文论报» (Шицзячжуан), 15. 09. 1988.

⁵⁷ Литература и искусство КНР. 1976–1985. М., Наука, 1989. С. 68–99.

⁵⁸ *Кравцова Марина Евгеньевна* (1953 г.р.). Китаевед-литературовед, д.филол.н., профессор. Сотрудник ЛО ИВ АН СССР/ РАН (1975–2003). Преподаватель философского, а затем Восточного факультета СПбГУ (1998 – по наст вр.).

⁵⁹ Горная гряда в пров. Аньхой, одна из самых знаменитых гор Китая. Включена ЮНЕСКО в список природных объектов Всемирного наследия.

трудно поверить, сидя сегодня в комфортабельном экспresse, – прогресс налицо!

Поднимались на гору по крутым склонам, пренебрегая фуникулёром, по плохо оборудованной лестнице с неровными ступенями, почти не останавливаясь с 11 утра до 5 вечера (7,5 км). На некоторых участках не было перил, а вокруг – пропасти, оглянешься с очередной ступеньки вниз – лестница обрывается в облаках. Никогда не забыть этой фантастической смеси эйфории и ужаса, когда я карабкалась по этой Лестнице в небо, парила НАД ОБЛАКАМИ, кое-где как шилом пронзёнными острыми пикам гор с одинокими кривоватыми соснами на вершинах! Передать подобную красоту можно только в стихах, что и делали средневековые китайские поэты. Однако, когда пути оставалось совсем немного, я (как самая старшая в группе) изнемогла, а уже смеркалось. И тут мы увидели спускающихся с горы двух низкорослых местных трудяг, которые по несколько раз в день на коромыслах поднимали по этой дороге (очевидно, фуникулёр берегут для туристов) наверх продукты, тапочки, шампуни, сувениры и пр. для гостиниц. С горечью читаю об этих же бедолагах и в сегодняшних интернетских туристических отчётах. Видимо, их прогресс не коснулся. Отчаявшись, мы обратились к носильщикам, но у них не было ни навыка переносить людей, ни специальных плетёных кресел (в отличие от горо-рикш, профессионально таскающих уставших туристов). Поэтому, едва усевшись на их скрещённые руки, я тут же к ужасу своему и окружающих свалилась. Пришлось чуть ли не ползком, но сотоварищи, добираться до гостиницы.

Если во время первой стажировки я концентрировалась на языковой практике, то теперь в центре моего внимания были проблемы реформы образования: я посетила ряд школ разного профиля и уровня, в том числе и сельских, и экспериментальных, и профессиональных, присутствовала на занятиях, беседовала с руководством. Неоднократно проводила беседы с работниками отделов образования разного уровня, касающиеся самых разных сторон функционирования учебных заведений и управления ими. Все

беседы записывала на магнитофон, а затем расшифровывала, иногда с трудом из-за сложностей местного говора. В результате собрала огромный материал. Мне повезло, что моим наставником оказалась авторитетный профессор *Лу Цзе*⁶⁰, участвовавшая в министерской разработке новых школьных учебных планов и программ. Большую помощь мне оказывала и аспирантка НПУ – весёлая, смекалистая, притом ещё и голосистая певунья *Чжу Сяо-мань*⁶¹. Несколько десятилетий спустя мы сделали совместно два крупных проекта и остаёмся друзьями по сей день.

В результате собранных во время второй стажировки материалов и полевых исследований я смогла расширить ракурс исследований. Так, я впервые всерьёз коснулась *социологического аспекта* китайской реформы образования⁶². Несколько статей этого направления были даже напечатаны в солидном журнале «Социологические исследования» (с начала 1990-х гг. переименован в СОЦИС)⁶³, а в 1990 году я дерзнула выступить на XII Всемирном социологическом конгрессе в Мадриде, куда отправилась вместе с сотрудниками Института социологии АН СССР. Невыносимую в некондиционированных помещениях Мадридского университета июльскую жару и явную слабость моей социологической подготовки отчасти компенсировало присутствие на Конгрессе импозантного короля Испании Хуана Карлоса (а я ещё умудрилась разглядеть его с близкого расстояния,

---

⁶⁰ *Лу Цзе* 鲁洁 (1930 г.р.). Профессор педагогики Нанкинского педагогического университета (НПУ), специалист по морально-нравственному воспитанию. С конца 1980-х гг. – декан педагогического факультета НПУ, директор (ныне почётный) Института педагогики НПУ 教育科学学院 и НИИ морального воспитания НПУ 道德教育研究所. Советник министерства образования КНР.

⁶¹ *Чжу Сяо-мань* 朱小蔓 (1947 г.р.). Профессор, ведущий специалист в сфере образования и один из разработчиков современной реформы в КНР, имеет несколько государственных премий. В 1992–1993 уч. г. стажировалась в МГУ. Занимала ряд руководящих постов: проректор НПУ (1996–2002), директор Центрального НИИ педагогики (2002–2007), директор Международного исследовательского и учебного центра образования на селе (UNESCO). Иностраный член РАО. Главный редактор ведущего педагогического журнала КНР (с 2016).

⁶² Социологические аспекты реформы образования в КНР. // Проблемы Дальнего Востока, 1983, № 3. Перевод: «Говай шэхуэй кэсюэ» (Общественные науки за рубежом), 1984, № 7.

⁶³ Сельская школа и проблемы социального равенства в Китае//СОЦИС, 1991, № 8.

выскочив на улицу сразу после выступления монарха, когда он и королева София спускались по лестнице Дворца Конгрессов, где состоялось открытие).

К этому же периоду относится ещё один важный прорыв в китаеведческую периодику – после первой публикации 1991 года я стала постоянным автором престижного журнала «Педагогика», до того не жаловавшего востоковедов как непрофессионалов в области образования⁶⁴.

Кроме того, я *раздвинула и временные рамки исследований*, написав раздел «Современное образование и реформа школы 1920–40-х гг.»⁶⁵.

СГ: Как шло ваше продвижение по службе? Участвовали ли вы в каких-либо научных сообществах?

ВГ: И когда вам всё же удалось стать старшим научным сотрудником?

НБ: К моменту возвращения с первой стажировки директором ИДВ был назначен *М.Л. Титаренко*⁶⁶. Он сразу предложил мне стать главным учёным секретарём созданной к тому времени Всесоюзной Ассоциации китаеведов (ВАКИТ), председателем которой он являлся, и, наконец, перевёл меня в старшие научные сотрудники (в 2007 г. я стала ведущим, а в 2009 г. – главным научным сотрудником).

В ВАКИТ я тесно и активно сотрудничала с *Ю.М. Галеновичем*⁶⁷, который в тот период исполнял обязанности зам. председателя, но при чрезвычайной занятости самого председателя нёс на своих плечах тяжкое бремя. Я изо всех сил пыталась разделить эту ношу напряжённой организационной работой по установлению контактов между китаеоведами разных городов и республик, привлечению их к организуемым Ассоциацией конференциям и прочим мероприятиям, в том числе и международным.

---

⁶⁴ О восприятии идей мировой педагогики в Китае. // Советская педагогика, 1991, № 9.

⁶⁵ Китайская культура 20-40-х годов и современность. М.: Наука, 1989, с. 200-234.

⁶⁶ *Титаренко Михаил Леонтьевич* (1934–2016). Китаевед, д.филос.н. (1979), профессор (1994), академик РАН (2003). Директор ИДВ РАН (1985–2016). Лауреат государственной премии РФ (2011).

⁶⁷ *Галенович Юрий Михайлович* (1932 г.р.). Китаевед-историк, д.и.н. (1982). Окончил МИВ (1954). Сотрудник советских учреждений в КНР (1954-1956, 1960-1967, 1969–1970), МИД СССР (1967–1978), ООН (1972–1978). Сотрудник Института Африки (зам. директора, 1978–1982), ИДВ РАН (с 1982).

ВГ: К слову о международных контактах: приходилось ли вам ездить в командировки в другие страны, помимо Испании и КНР?

НБ: Часто и не раз. Конец 1980-х годов стал первым шагом моего вхождения в мировое китаеведение, сначала – в границах соцстран. В.Ф. Сорокин и я, вместе с группой китаеведов Восточной Европы, приняли участие в подготовке международного сборника по современной культуре Китая. Коллектив собирался вместе несколько раз и в Москве, и в Берлине. В итоге сборник был выпущен. В ходе консультаций я укрепила дружеские связи с блестящим знатоком современной китайской литературы *Анной Долежаловой*⁶⁸, с которой мы познакомились в 1985 году во время моей стажировки в Пекине, Анна уже тогда поразила меня своей эрудицией и образованностью – говорила на пяти основных европейских языках, легко переходя с одного на другой.

Весьма неожиданно прочные научные контакты установились с известным австралийским специалистом по проблемам образования в КНР профессором *Стюартом Фрайзером*⁶⁹. Этот учёный приезжал в ИДВ по приглашению дирекции Института, и я была представлена ему как специалист по той же тематике. Через некоторое время Фрайзер пригласил зам. директора Института В.С. Мясникова и меня прочесть несколько лекций в университетах Австралии. Так, осенью 1989 г. я попала в эту далёкую (тогда полёт с четырьмя посадками занял в целом 36 часов, из них – 22 часа чистого

---

⁶⁸ *Doležalová-Vlčková Anna* (1935–1992). Ведущий чехословацкий синолог. Переводчик и специалист по современной китайской литературе. Окончила Карлов Университет (1958), Ph.D. (1968). Инициатор создания отделения востоковедения в Университете Коменского в Братиславе (1960). Сотрудник посольства ЧССР в Пекине (1964–1986). В 1988 г. вместе с проф. Marián Gálik основала изучение синологии на Отделении Восточно-азиатских исследований Факультета искусств в Университете Коменского в Братиславе (Словакия) и преподавала на этом факультете.

⁶⁹ *Fraser Stewart E.* (1929–2001). Синолог, Ph.D., специалист по проблемам образования в КНР. Род. в Китае (Тяньцзинь). Обучался в ун-тах Мельбурна, а также в Оксфорде и Стэнфорде. В 1976 г. вместе с проф. Ronald Goldman создал в Университете Ла Троб (Сидней) инновационный Педагогический колледж с несколькими научными центрами; профессор. С 2000 г. – почётный профессор Центра сравнительных и международных исследований образования. Его уникальна коллекция постеров времён «культурной революции» в КНР находится в музее Университета Ла Троб.

лета) удивительную страну. Мой первый опыт лекций на английском языке в зарубежном вузе оказался достаточно удачным.

ВАКИТ я отдала пять лет кипучей деятельности (1986–1991) и, пожалуй, больше всего горжусь тем, что через Ассоциацию значительно расширила участие российских китаеведов в европейской синологии. Впервые удалось организовать выезды больших групп учёных из разных научных центров Москвы, Ленинграда и Владивостока на конференции Европейской Ассоциации китаеведения (ЕАК)⁷⁰ (до того подобный шанс имели лишь директора институтов и академики).

Вступив в ЕАК в 1988 г., я выступала с докладами на девяти её конференциях вплоть до 2016 г. И ещё одним из своих достижений считаю организацию на нескольких из них в начале 2000-х гг. секции по образованию, которая сплотила тех немногих европейских китаеведов, которые работали по этой тематике (среди них – датский синолог *Стиг Тогерсен*⁷¹). Мне посчастливилось установить многолетние профессиональные и дружеские контакты с замечательной *Марианной Бастид-Брюгьер*⁷², в то время исследовавшей реформы образования в Китае. Неоднократно посещая Париж, я каждый раз подолгу беседовала с ней в её уютной старинной квартире «дворцовой планировки» – за неизменно вкусным обедом мы обсуждали новости ИДВ, России (одна из её дочерей –

---

⁷⁰ European Association for Chinese Studies основана в 1975 г., включает индивидуальных и коллективных членов. Проводит конференции раз в два года в различных городах Европы, помимо этого организует различные семинары и проекты, выделяет библиотечные гранты.

⁷¹ Thøgersen Stig. Синолог, специалист по истории Китая и Дальнего Востока. Профессор Института азиатских исследований, а затем Колледжа Культуры и Социума, Орхусский Университет, Дания.

⁷² Bastid-Bruguière, Marianne (1940 г.р.). Выдающийся французский синолог, специалист по новой и современной истории Китая. Окончила китайское отделение Национальной школы востоковедения и фак-т искусств Парижского ун-та, Ph.D. Пекинского университета (1965). Работала в Национальном центре научных исследований (С.N.R.S.) (с 1966), директор отдела исследований С.N.R.S. (с 1981). Преподаватель и зам. директора (1988–1993) Высшей Педагогической школы (École normale supérieure). Член Academia Europaea (с 2002), член и зам. декана Академии моральных и политических наук (с 2001), член научного совета Национальной академии наук, почётный профессор ряда университетов КНР, иностранный член РАН. Кавалер Ордена Почётного легиона (2010).

русист, да и сама Марианн неоднократно бывала в Москве) и, конечно, наш дорогой Китай. Считаю удачей знакомство и последующие длительные научные контакты и с немецким специалистом по китайскому образованию профессором *Юргеном Хензе*⁷³.

СГ: Как менялась тематика ваших работ? Вели ли вы лекторскую деятельность?

НБ: Накопленный опыт исследований позволил мне не только раздвинуть их рамки, но и выйти за пределы китаеведения. С начала 1990-х гг. моё внимание привлекло новое направление – *взаимодействие китайской системы образования с мировой*. Вышеупомянутая статья «О восприятии мировой педагогики в Китае» и последовавшая за ней в 1993 г. «Модернизация или вестернизация?»⁷⁴ стали первыми шагами на пути в сравнительную педагогику.

Тогда же я впервые приступила к исследованиям по отдельным аспектам реформы образования в КНР, в т.ч. по теме *модернизация управления образованием и создание новых учебных программ*.

1994–1995 годы я считаю переломными в своей научной карьере. Мой компаративистский исследовательский проект одержал победу на конкурсе, объявленном для стран СНГ через центральную российскую прессу американской организацией International Research & Exchange. Я получила возможность на восемь месяцев поехать на стажировку в Центр международной и сравнительной педагогики Университета штата Нью-Йорк в г. Баффало (SUNY Buffalo). Из многих вариантов я выбрала именно этот центр, ибо тогда его возглавлял известный американский теоретик

---

⁷³ *Henze Jurgen* (1950 г.р.). Окончил Рурской ун-т в Бохуме. Ph.D (1985), специальность – развитие образования в Восточной Азии (в частности, КНР). Научный сотрудник Центра сравнительного образования в Рурском университете (1985–1993). Профессор сравнительной педагогики в Гумбольдтском Университете (ГУ, Берлин) (1993–1995). Зам. декана философского факультета ГУ (1996–1998), член академического совета ГУ (1996–2004), директор Института образования ГУ. После 2015 г. – профессор ГУ. Эксперт Всемирного банка, Азиатского банка развития по проблемам образования в КНР.

⁷⁴ Проблемы Дальнего Востока, 1993, № 4.

педагогике *Филипп Альтбах*⁷⁵. К сожалению, ко времени моего приезда он перевёлся на работу в Бостон, и его место занял профессор *Вильям Каммингз*⁷⁶. В SUNY я регулярно посещала семинары по сравнительной педагогике, которую в то время слабо преподавали в России, а также внимательно изучала труды американских учёных по этой проблематике. При достаточно свободном знании английского, я с огромным трудом овладевала совершенно новой для меня методикой исследований и соответственно, незнакомой научной лексикой. Заодно с трудом осваивала и малознакомый тогда в России компьютер.

Однако мои усилия не пропали даром и дали мне возможность подготовить и прочесть в университете модульный курс для магистров «Сравнение реформ образования в обществах переходного периода: Россия, Китай, Восточная Европа». И я очень гордилась, когда мне по секрету показали высокие отзывы слушателей о моих лекциях. По приглашению известного канадского синолога, специалиста по проблемам образования *Руфь Хэйхоу*⁷⁷ я выступила с лекцией в Институте педагогических исследований Онтарио при Университете Торонто (Канада).

Впоследствии именно по её рекомендации в 1999 г. я получила приглашение от известного специалиста по сравнительной педагогике

---

⁷⁵ *Altbach Phillip* (1941 г.р.) Профессор. Ведущий мировой специалист в области интернационализации и глобализации высшего образования и компаративных исследований систем высшего образования. Профессор SUNY Баффало. Директор-основатель Центра международного высшего образования Бостонского колледжа (1994). Почётный профессор Пекинского университета (Китай). Член Международного консультативного комитета и почётный профессор Высшей школы экономики (Россия). Редактор журналов *Higher Education* (США) и *American Education Research Journal* (США).

⁷⁶ *Cummings William K.* (1944 г.р.) Ph.D. по социологии (1972). Специалист по интернационализации высшей школы. Преподавал в университете Чикаго, Национальном ун-те Сингапура, Гарвардском университете. С 1994 г. – директор центра сравнительной педагогики Государственного ун-та штата Нью-Йорк в Баффало. Проф. Университета Дж. Вашингтона (США)

⁷⁷ *Hayhoe Ruth* (1945 г.р.). Специалист по истории высшей школы в Китае и сравнительной педагогике. Докторская дисс. по высшей школе в Китае (1986). С 1986 г. преподает в Институте педагогических исследований Онтарио (OISE) при Университете Торонто, с 1990 г. – проф., а затем руководитель Отдела высшей школы и зам. декана последипломного образования. Директор Гонконгского института образования (1997–2002). В наст. время – проф. OISE.

профессора *Марка Брэя*⁷⁸ прочесть в Гонконгском университете (HKU) модуль для магистров по сопоставлению образовательных реформ в Китае и России (преподавание в университетах Гонконга велось на английском языке). В то время Гонконг, в 1997 г. сменивший статус колонии Великобритании на специальный административный округ КНР, практически не имел культурных контактов с Россией. В HKU по контракту работал только один российский математик. Уже на первой лекции меня потрясло невежество моих слушателей относительно ситуации в России, они практически ничего не знали о происшедших там в 1990-е гг. переменах и по-прежнему отождествляли её с СССР. Поэтому в лекциях я старалась сделать акцент на коренной перестройке системы образования как результате социально-политических и экономических реформ. Профессор Брэй проявил заботу и внимание, приглашал к себе в гости, где меня радушно встречала его милая жена Ора, преподаватель того же Университета. Помимо лекций, я активно общалась с моими студентами и привила им такой интерес к России, что через неделю после возвращения в Москву в моей квартире раздался телефонный звонок от одного из слушателей. Оказалось, он прилетел в Москву с тургруппой (следующим летом он снова приезжал, но уже на курсы русского языка в МГУ).

Вторично я читала лекции в Гонконгском университете в 2002 году. Кстати, тогда же была избрана членом международного редакционного совета серии «*Studies in Comparative Education*», публикуемой университетским издательством «*Hong-Kong University-Springer*».

СГ: Насколько полезной оказалась для вас стажировка в США?

---

⁷⁸ *Bray Mark* (1952 г.р.). Всемирно известный специалист в области сравнительной педагогики, формировании политики, финансировании и планировании образовательных систем. С 1986 г. преподает в HKU (с 1999 – профессор и директор Центра сравнительной педагогики). В 2002–2006 – декан факультета педагогики, с 2010 по наст. время – профессор). В 2006–2010 – директор Международного института планирования образования ЮНЕСКО (UNESCO–IIEP). Генеральный секретарь (2000–2004). В 2004–2007 – президент Всемирного совета обществ сравнительной педагогики (WCCES).

НБ: Переоценить её значение трудно. Помимо такой «мелочи» как овладение компьютером, я вышла за рамки узко марксистской методологии, приобрела современную методологическую базу для компаративистских исследований, познакомилась лично, а также и с работами крупных американских компаративистов – *Джона Хокинса*⁷⁹, *Стэнли Розена*⁸⁰ и пр. Я также приняла участие в нескольких проходивших в то время в США конференциях: в 1995 г. – американского Общества сравнительной и международной педагогики (CIES) в Бостоне, позже – в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе (UCLA). По приглашению профессора Розена провела семинар в Университете Южной Калифорнии. Всё это способствовало моей «переквалификации» в компаративиста. В результате, сразу же после стажировки *исследования по сравнительной педагогике* оказались в центре моих трудов⁸¹ и дали мне право называться не только китаеведом, но и компаративистом.

Итогом стажировки в США явилась также публикация первой статьи в международном сборнике (он готовился в стенах SUNY⁸²). К теме той статьи

---

⁷⁹ *Hawkins John N.* (ок. 1939 г.р.). Ph.D.. Специалист по реформам высшего образования в США и Азии. Был деканом факультета международных исследований и главой совета директоров UCLA, избирался Президентом CIES. Почётный профессор Центра китаеведческих исследований Ун-та и директор центра педагогики и информации Отделения аспирантуры UCLA. Содиректор Партнерства ATP по исследованию высшей школы (APHERP).

⁸⁰ *Rosen Stanley.* Ph.D. (1979). Китаевед, специалист по проблемам политики и общества в Китае, автор ряда работ по образованию в КНР. С 1979 г. по наст. время преподаватель, профессор Университета Южной Калифорнии (USC), директор Центра изучения Восточной Азии USC (2005–2011), проректор (с 2015). Соредактор журнала *Chinese Education and Society* (2008–2009).

⁸¹ В частности, см.: *Образовательная политика в Китае и России: сравнительный анализ*// Педагогика, 1996, №1; *Китайская образовательная стратегия в азиатском контексте*//Педагогика, 1997, № 3.

⁸² *The Role of the State in Educational Reform in the PRC.* // *The Challenge of Eastern Asian Education: Implications for America* (W.K. Cummings, Ph.G. Altbach eds.). Albany, SUNY Press, 1997, p. 265–274.

о роли государства в образовательных реформах я потом не раз обращалась уже в России⁸³, она стала сквозной и в моей докторской диссертации.

Одновременно с конца 1990-х годов я продолжала детализировать сферу исследований: регионализация системы образования в КНР⁸⁴, создание там сети негосударственных образовательных учреждений. Обе темы оказались крайне сложными и по теоретической базе, и по исходному материалу. Правда, материал для второй темы собрать было легче: мои пекинские коллеги присылали мне только начавший выходить «Бюллетень народного образования» (民办教育通讯). Проблемы становления негосударственного сектора в образовании крайне меня заинтересовали, я посетила ряд частных школ в Китае, познакомилась с методологией исследования этой проблемы коллегами на Западе (в частности, через статьи уже упоминавшегося проф. Каммингза), опубликовала несколько статей на эту тему, в т.ч. и в журнале «Педагогика». Появление негосударственных школ и вузов в России стимулировало мой компаративистский анализ: в 2010 г. я выступила на международной конференции в Карловом университете, в моей давно любимой Праге, с докладом «Национальная интерпретация роли частного сектора в образовании: Россия – Китай». Конференция была организована Педагогическим факультетом Университета во многом благодаря усилиям очаровательной профессора *Элишки Валтеровой*⁸⁵ и оказалась весьма представительной.

---

⁸³ Раздел «Государство и школа в Китае: партнерство или подчинение?» // Восток–Россия–Запад. М., 2001. с. 440–451.

⁸⁴ Регионализация как составная стратегии развития образования в Китае в 90-е годы. // Проблемы Дальнего Востока, 1997, № 3.

⁸⁵ *Walterová Eliška* (ок.1945 г.р.). Ph.D. (1968). Профессор, специалист по сравнительной педагогике и политике в области образования. Научный сотрудник Педагогического института им. Я. Коменского Чехословацкой АН (1975–1994). Доцент Педагогического факультета Карлова ун-та, затем директор Института изучения и развития образования при том же факультете (1994–2010). Возглавляла секцию сравнительной педагогики Чешского педагогического общества. С 2011 г. преподает и ведёт научные исследования в Университете Баньска-Быстрицы.

С 1997 г. стали достаточно регулярными (раз в два года) и мои краткие тематические стажировки в КНР, по линии сотрудничества ИДВ РАН с Академией общественных наук КНР. Они проходили в Институте международных отношений Пекинского Университета и в Пекинском Педагогическом Университете. Я неоднократно получала приглашения от этих и других вузов КНР, где читала на китайском языке спецкурсы для магистров по сопоставлению образовательных реформ в России и КНР: Пекинском, Нанкинском и Шэньянском Педагогических университетах (в последнем – по приглашению проф. *Сунь Мян-тао*⁸⁶), Педагогическом университете Восточного Китая (по приглашению проф. *Се Ань-бана*⁸⁷), Шанхайском и Восточно-Китайском (Шанхай) университетах.

ВГ: Выходит, у вас есть огромный международный лекторский опыт.

Н.Е. К величайшему моему сожалению, в основном именно международный. Я не раз предлагала прочесть модуль по политике КНР в сфере образования в ИСАА и в других российских вузах, но, к сожалению, их желание и возможности почему-то не совпадали.

СГ: Приходилось ли вам общаться и сотрудничать с коллегами на Тайване?

НБ: Конечно. Не могу не выразить глубокую благодарность *Фонду Цзян Цзин-го*⁸⁸, ибо полученные от него через ЕАК библиотечные гранты (1996, 1999 и 2003 гг.) позволили мне собрать уникальный материал не только в библиотеке Школы восточных и африканских исследований (School of

---

⁸⁶ *Сунь Мян-тао* 孙绵涛 (1949 г.р.). Профессор философии, один из первых в КНР специалистов по управлению образованием. Стажировался в университетах Японии и США. Директор НИИ образования Центрально-китайского Педагогического университета. С 2004 г. – директор НИИ экономики и управления образованием Шэньянского педагогического университета, главный редактор журнала «Изучение управления образованием» (教育管理研究).

⁸⁷ *Се Ань-бан* 谢安邦. Профессор, специалист по управлению высшим образованием и сравнительной педагогике. Проректор по аспирантуре Педагогического университета Восточного Китая (1996–2002), директора НИИ высшего образования этого Университета (2002–2015). Исполнительный директор Всекитайского научного общества высшей школы.

⁸⁸ Фонд международного научного обмена им. Цзян Цзин-го 蔣經國國際學術交流基金會 создан в 1989 г. на Тайване. Организует конференции, предоставляет гранты для публикаций и научных стажировок учёных разных стран.

Oriental and African Studies, SOAS) Лондонского университета, но и в находящейся по соседству огромной библиотеке университетского Института Образования (IOE). Всё это способствовало моему профессиональному росту.

ВГ: Бывали ли вы на Тайване?

НБ: Мне жаль, что поездка на Тайвань не состоялась. Интерес к системе образования на Тайване зародился у меня ещё в начале 1990х гг.⁸⁹ В 2008 году мне поступило предложение от Тайваньского торгово-экономического представительства в Москве посетить Тайвань с двухнедельным визитом по исследовательскому гранту, поработать в библиотеках университетов и собрать материал по теме «Тайваньский опыт модернизации системы высшего образования». Все необходимые документы были мною подготовлены, но, по независящим от меня причинам, поездка не состоялась.

СГ: Когда и как вы защитили докторскую диссертацию?

НБ: Собранный за годы исследований общетеоретический и фактический материал и регулярные полевые исследования позволили мне в 2002 г. защитить докторскую диссертацию на тему «Формирование государственной стратегии образования периода реформ в КНР (1980–1990-е гг.)», которая в 2003 г. была издана в виде монографии⁹⁰. Книга посвящена нескольким ключевым проблемам модернизации образования (этапы выработки стратегии, оптимизация структуры, реформы управления и финансирования), которые представлены в рамках теории сравнительной педагогики.

СГ: Как продвигались ваши исследования в 2000-х годах?

НБ: Благодаря политическим переменам в России рубежа 1980–1990-х гг. я смогла обогатить свои исследования теоретическими и практическими концепциями, разработанными к тому времени западными учёными. Важно и то, что в 1990-е годы наша наука перестала быть «служанкой политики».

---

⁸⁹ Информационный бюллетень ИДВ «Современный Тайвань».1992, вып. 2.

⁹⁰ Государство и школа: опыт Китая на пороге III тысячелетия. М.: Восточная литература, 2003.

Исследования стали гораздо объективнее и обоснованней. Прежде всего, стал более профессиональным мой интерес к отдельным аспектам системы образования в КНР (финансирование, управление, законодательство⁹¹), каждое из которых, по сути, требует отдельного серьёзного исследования и специалистов разного профиля. Написанная в сотрудничестве с профессором Брэем статья по совершенно новой для меня теме – финансирование образования, опубликованная в издаваемом в Великобритании престижном журнале⁹², зародила во мне интерес к столь важной проблеме. Я дерзко вгрызалась в эту незнакомую мне, филологу, тему. Прошло немало лет, в течение которых я изучала общетеоретические работы российских авторов, китайские труды по экономике образования. Решающую роль в подготовке серьёзной монографии по экономике образования в КНР сыграло сотрудничество со специалистами НИУ Высшей школы экономики (Москва) и, прежде всего, бесценная и бескорыстная помощь блестящей *Татьяны Львовны Клячко*⁹³. Не могу не упомянуть и китайских коллег. Во время одного из визитов в КНР мне повезло провести беседу с основателем исследований по теории экономики образования в КНР профессором *Минь Вэй-фаном*⁹⁴. Неоценимую помощь, конечно же, оказало сотрудничество с НИИ финансирования образования Пекинского университета, и прежде всего,

---

⁹¹ См. Н.Е. Боровская. Образовательное законодательство и образовательная система Китая. // Образовательное законодательство и образовательные системы зарубежных стран. М.: Academia, 2007, с. 316–370.

⁹² Mark Bray, Nina Borevskaya. Financing Education in Transitional Societies: Lessons from Russia and China. // Comparative Education. V. 37, № 3, 2001, p. 345–366.

⁹³ Клячко Татьяна Львовна (1951 г.р.). Ведущий российский эксперт по экономике и управлению образованием, д.э.н. (2008). Работала во ВНИИ системных исследований, Институте народнохозяйственного прогнозирования АН, НИУ Высшей школе экономики. С 2003 г. возглавляет Центр экономики непрерывного образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХ и ГС).

⁹⁴ Минь Вэй-фан 闵维方 (1950 г.р.). Ph.D. по экономике образования (1987, Стэнфордский ун-т). Эксперт по вопросам образования Всемирного Банка (1991–2000). Директор Института высшего образования Пекинского университета (1992–1994), помощник президента, вице президент (1995–2002), Председатель университетского совета (2002–2011). Исполнительный президент Китайского общества образования и Общества стратегий развития образования. С 2011 г. – директор Института экономики образования и Института высшего образования Пекинского университета.

с его директором – очаровательной и доброжелательной *Ван Жун*⁹⁵. Всё это вместе – книги и люди – позволило мне собрать и подготовить материал для монографии «Новые механизмы финансирования высшей школы в КНР: китайский опыт в российском контексте»⁹⁶.

ВГ: Как удаётся китайцам соединять современные реформы и традиции?

НБ: Не всегда органично, но они стараются. На рубеже столетий и я осознала, сколь сложно анализировать современные проблемы образования, не изучив глубоко традицию. Вспомнились великолепные лекции о великом педагоге *Тао Син-чжи*⁹⁷ во время моей стажировки в НПУ и знаменательное посещение его мемориала в пригороде Нанкина, включавшего основанное им в 1927 г. училище для сельских учителей⁹⁸ и музей. Руководители мемориала тепло побеседовали со мной и попросили оставить запись в книге почётных гостей. А в Шанхае мне повезло несколько раз побеседовать с сыном другого великого педагога – *Чэнь Хэ-цин*⁹⁹ и получить от него ценные материалы.

На основании китайских и западных источников, в 2002 г. я опубликовала скромный, но первый в России «Очерк истории школы и педагогической мысли в Китае»¹⁰⁰, который в расширенном и доработанном

---

⁹⁵ *Ван Жун* 王蓉 (ок. 1967 г.р.). Один из авторитетных специалистов в сфере финансирования образования. Выпускница Пекинского университета. Ph.D. (1999, Ун-т Калифорнии). Ведущий сотрудник Института экономики образования Пекинского ун-та (1999–2004). Директор Китайского НИИ финансирования образования при Пекинском университете (с 2005). Исполнительный председатель Китайских национальных исследовательских ассоциаций финансирования и экономики образования. Член Китайского государственного совета of China's State Education Advisory Committee.

⁹⁶ М., изд-во ИДВ, 2009.

⁹⁷ *Тао Син-чжи* 陶行知 (1891–1946). Великий педагог-реформатор. Учился в Нанкинском (тогда Цзилиньском), а затем в Колумбийском ун-те по специальности философия образования.

⁹⁸ 晓庄试验乡村师范.

⁹⁹ *Чэнь Хэ-цин* 陈鹤琴 (1892–1982). Ph.D. Колумбийского ун-та (1918). Выдающийся педагог, специалист в области психологии детства. Преподавал в Нанкинском высшем педагогическом училище (1919–1921). Профессор Национального Юго-восточного университета (Нанкин, с 1921). В 1929 г. создал Китайское общество психологии детства. Декан (1949–1952), в 1952–1958 – первый президент Педагогического колледжа Нанкинского университета (ныне – НПУ).

¹⁰⁰ Очерки истории школы и педагогической мысли в Китае. М.: Изд-во «ИДВ», 2002.

варианте вошёл в энциклопедию «Духовная культура Китая»¹⁰¹. Мой очерк стал известен в КНР, возможно, как и статья о полувековом опыте КНР в совершенствовании собственных ЕГЭ¹⁰². Так или иначе, но в 2005 г. меня пригласили с докладом на международную конференцию в Сямыне, посвящённую 130-летию отмены императорских экзаменов¹⁰³. И снова пригодился нанкинский опыт. В 1985 г. я посетила Экзаменационный двор в Цзяннани на окраине Нанкина – самую большую экзаменационную площадку в Китае¹⁰⁴. В прошлом на территории более 300 тыс. кв. м. располагалось 20600 учебных келий-ячеек для абитуриентов и более тысячи помещений для экзаменаторов, надзирателей и разного персонала, не считая хозяйственных строений. Тюремное сходство усиливали окружавшие площадку с четырёх сторон вышки с надсмотрщиками (дабы не списывали, но и это обходили – присылали голубей с подсказкой в клюве). Несчастные абитуриенты не имели права покинуть эти кельи в течение 45 дней, пока писали работы, туда им приносили еду, там же и спали (стол-доска опускался вровень со скамьей, образуя лежанку). Теперь на площадке великолепный музей, где воспроизведены даже движущиеся муляжи чиновников-абитуриентов.

Участие в той Сямэньской конференции вдохновило меня на достаточно развёрнутую статью по этой увлекательнейшей тематике¹⁰⁵.

Итоговой монографией, которой я особенно горжусь, стало подготовленное совместно с С.А. Торопцевым многогранное новаторское

---

¹⁰¹ Педагогическая мысль и образование. // Духовная культура Китая. Энциклопедия. М.: Восточная литература, 2009. Т.5. С. 529–575.

¹⁰² Китай и Россия: экзамены единые и разные. // Народное образование, 2004, № 7.

¹⁰³ 俄咯斯的科举学 (Изучение системы императорских экзаменов в России) // 科举制的终结与科举学的兴起 (Конец императорской системы экзаменов и расцвет в её изучении). Ред. Лю Хайфэн. Ухань, 2006. С. 496–503.

¹⁰⁴ 江南贡院 – расположен вблизи Храма Конфуция 夫子庙. Существует с середины XII в. н.э., там проходили экзамены областного и уездного уровня.

¹⁰⁵ Система императорских экзаменов в Китае: отзвуки в Европе. // Педагогика, 2005, № 10. С. 78–90.

исследование «Китайская культура во времени и пространстве». В него вошли в основном наши ранее публиковавшиеся работы (хотя есть и новые), но они подвергнуты серьёзной доработке и встроены в единую системную структуру. В массиве китайской культуры выбраны несколько структурообразующих тем (философичность; тема инобытия; проблема героя), которые впервые в китаеведении проанализированы с ракурсов нескольких научных дисциплин: литературоведения, киноискусства, педагогики, этнопсихологии, составив органичный сплав. Мы проанализировали произведения, принадлежащие разным эпохам – от древности (педагогические взгляды Конфуция) и средневековья (VIII век – поэт Ли Бо), через Новое время (романы рубежа XVI–XVII вв.) – к актуальным современным проблемам прозы, кинематографии и образовательной стратегии КНР. Китайская культура встроена в мировое пространство путём включения в монографию компаративистских переключек средневековой прозы Китая и Европы, влияния на Европу системы императорских экзаменов *кэцзюй* и сравнительного анализа конфуцианской и православной педагогики.

СГ: Работали ли вы в других профессиональных сообществах (организациях), кроме Института Дальнего Востока? Приходилось ли работать над совместными научными проектами?

НБ: Да, да и ещё раз да! После публикации первой статьи в журнале «Педагогика» в 1991 г. я регулярно печаталась и в этом журнале, и в журнале «Народное образование». В результате постепенно приходило признание со стороны образовательного сообщества. В 2001 г. известный педагог-академик *Зоя Алексеевна Малькова*¹⁰⁶, возглавлявшая тогда Институт теории

---

¹⁰⁶ *Зоя Алексеевна Малькова* (1921–2003). Окончила МГПИ иностранных языков. Основная сфера научных интересов – сравнительная педагогика. Д.пед.н. (1972), академик АПН СССР (1982), акад. РАО (1993). Зам. директора (1974–1991), а затем директор Научно-исследовательского института общей педагогики (с 1989 г. – НИИ теории и истории педагогики РАО). Председатель Научного совета по сравнительной педагогике АПН СССР и член исполкома Международного конгресса общественной сравнительной педагогики (с 1986).

и истории педагогики Российской академии образования (ИТИП РАО), буквально затащила меня в свой Институт, где я и совместительствовала до 2006 г. Это был интересный и весьма полезный опыт работы с педагогами-теоретиками, что дало мне возможность глубже проникнуть в основы педагогики и учебного процесса¹⁰⁷.

ВГ: Вы говорите о важности и плодотворности компаративистики. Но как вы применяли её на практике? Как сравнивали Китай и Россию?

НБ: Я настолько погрузилась в историю конфуцианской педагогики, что возникло сильное желание сопоставить её с развитием школы и православной педагогики в России. Работа оказалась невероятно сложной, требующей ещё и серьёзной религиозно-философской подготовки. Но тут на помощь пришли глубокие труды учёных ИТИП. Пока мои усилия вылились лишь в семидесятистраничную, хотя и весьма новаторскую, главу в монографии «Китайская культура во времени и пространстве», но есть мечта, что если не я, то кто-нибудь ещё заинтересуется этой потрясающей темой и углубится в неё.

В 2004 г. я была избрана и до 2010 г. оставалась заместителем председателя Научного совета по сравнительной педагогике при РАО. Пришлось приложить огромные усилия, чтобы после смерти З.А. Мальковой (из-за чего подобный Совет распался) воссоздать его снова с целью активизации научных контактов российских специалистов в этой области внутри страны и за рубежом. В 2004 г. я выступала с докладом на XII конгрессе Всемирного совета обществ сравнительной педагогики (WCCES) на Кубе и была избрана членом Постоянного научного комитета по подготовке следующего конгресса. Как раз в эти годы WCCES готовил международный сборник по истории обществ сравнительной педагогики в разных странах. По поручению WCCES я написала на английском языке

---

¹⁰⁷ Оценка учебных достижений в Китае. // Оценка учебных успехов учащихся в школах за рубежом в контексте стандартов образования. М., РАО, 2005. С. 145–170.

краткую историю российского Научного совета. И когда сборник опубликовали¹⁰⁸, я была счастлива, что Россия в нём тоже представлена.

С начала 2000-х гг. мои сравнительные исследования по сопоставлению образовательных реформ в России и КНР получили известность за рубежом. Меня стали приглашать в международные сборники и журналы, где я не однажды публиковалась¹⁰⁹.

К 2004 г. я разработала проект сопоставления российско-китайских образовательных реформ на пороге двух столетий и предложила Российской Академии образования (РАО) реализовать его как совместный проект с Центральной Академией педагогических исследований (ЦАПИ) КНР, руководимой тогда профессором Чжу Сяо-мань. От РАО проект согласился возглавить ее вице-президент *В.П. Борисенков*¹¹⁰.

СГ: А кто исполнял этот проект?

НБ: При содействии этих влиятельных руководителей, во-первых, удалось найти средства на перевод статей китайских авторов¹¹¹ (русские главы переводились в КНР), а затем и его издание в России. Кроме того, совместно с В.П. Борисенковым к написанию труда удалось привлечь почти два десятка крупнейших деятелей образования с каждой стороны. Однако весь груз редактуры лёг на мои плечи, и трёхлетняя работа оказалась столь «адовой», что после её завершения я тяжело заболела. Проект задумывался как первое

---

¹⁰⁸ The Russian Council of Comparative Education. // Common Interests, Uncommon Goals. Histories of the World Council of Comparative Education Societies and its Members. Springer, НК, 2007. P. 299–308.

¹⁰⁹ Searching for Individuality: Educational Pursuits in China and Russia. // Education, Culture & Identity in Twentieth-Century China. Ann Arbor, 2001, p. 31–53; The PRC Educational Modernization Strategy: the Shift of a Paradigm? // Berliner China-Hefte, 2003, № 25.

¹¹⁰ *Борисенков Владимир Пантелеймонович* (1939 г.р.). Педагог. Д.пед.н. (1989), профессор. Действительный член РАО (1996), вице-президент РАО (1997–2008), главный редактор журнала «Педагогика» (1992–2008). Профессор кафедры педагогики МГГУ им. М. А. Шолохова (с 2009).

¹¹¹ Выражаю благодарность тогдашнему (1998–2007) Председателю Правления Российско-Китайского Центра торгово-экономического сотрудничества Сергею Феликсовичу Санакоеву, финансово поддержавшему наш проект.

компаративистское исследование системы образования двух стран. На строго научной основе мною был разработан план-проект каждой главы, посвящённой одному из аспектов реформ (общей стратегии, управлению, финансированию и т.д.), и разослан соответственно китайским и российским авторам. Однако, мэтры в своей области, они не вдумывались в строгие требования сравнительного анализа и писали в свободной манере, что не давало возможности для сопоставлений. С этим же столкнулись и китайские редакторы, которые не раз обращались ко мне за советом. Поэтому каждую из глав приходилось переделывать несчётное количество раз. Но в итоге победа была за нами! Каждая из 11 глав завершалась кратким сравнительным анализом автора. Венцом книги стал общий сравнительный анализ двух десятилетий реформ, написанный, соответственно, председателем Китайского Педагогического общества профессором Гу Мин-юанем, профессором М. Брэем и мной. Эта уникальная монография со 100-страничным английским Summary (я значилась в ней автором проекта, зам. руководителя и ответственным редактором) была издана на трёх языках¹¹². В Китае книга получила государственную премию, она также была высоко оценена в российской и зарубежной научной печати¹¹³.

Здесь не могу не подчеркнуть, что огромную роль в моих научных исследованиях сыграли установленные мною прочные и долговременные научные связи с руководителями и ведущими сотрудниками таких лидеров китайской педагогической науки как Пекинский, Нанкинский и Восточно-Китайский Педагогические университеты, ЦАПИ и далеко не в последнюю очередь – Государственный исследовательский центр развития образования

---

¹¹² «Россия–Китай: образовательные реформы на рубеже XX–XXI вв. Сравнительный анализ (отв. ред. и составители Н.Е. Боровская, В.П. Борисенков, Чжу Сяомань). М., 2007. На кит. яз.: 20–21 世纪之交中-俄教育 改革比较, Beijing, 2006. На англ. яз. Educational Reforms in Russia and China at the Turn of the 21st Century: A Comparative Analysis (eds. Nina Ye. Borevskaya. V.P. Borisenkov & Xiaoman Zhu). The Univ. of Hong Kong, 2010.

¹¹³ См. в частности, рецензию Ruth Hayhoe в жур. Comparative Education Review. February 2009. P.143–145).

(ГИЦРО)¹¹⁴ во главе с профессором *Чжан Ли*¹¹⁵. Так, руководство ГИЦРО принимало меня для бесед-обсуждений во время моих приездов в Пекин и в течение ряда лет регулярно присылало мне ценнейший ежегодник – «Зелёную книгу по образованию»¹¹⁶.

Опыт совместного исследования оказался столь удачным, что в 2006 г. я откликнулась на инициативу российского Фонда Новая Евразия¹¹⁷ и совместно с Чжу Сяо-мань (ЦАПИ) мы разработали проект по сопоставлению развития региональных систем профессионального образования (ПО) в России и КНР. Проект продолжался три года, в нём приняли участие по 1–2 ведущих учебных заведения среднего профессионального образования (СПО) из трёх пилотных регионов каждой из стран. В проекте участвовали руководители местных органов управления системой СПО и профессиональных колледжей, состоялся обмен опытом работы учреждений ПО. Помимо аналитических статей, в проект вошли социологические опросы и статистические данные местных отделов образования. Важным направлением проекта стал поиск методов решения наиболее актуальных проблем модернизации системы СПО, в частности, развитие её социального партнёрства с бизнесом. Результатом проекта стало также издание монографии в России и Китае, соответственно, на русском и

---

¹¹⁴ 国家教育发展研究中心 – крупнейший центр разработки образовательной стратегии, создан при министерстве образования КНР в 1986 г. (Пекин).

¹¹⁵ *Чжан Ли* 张力 – директор ГИЦРО, секретарь Государственного консультативного совета по образованию.

¹¹⁶ 中国教育绿皮书.

¹¹⁷ Фонд «НОВАЯ ЕВРАЗИЯ» (ФНЕ) – российская некоммерческая организация, созданная в 2004 г. при поддержке трёх фондов США, России и Европы. Цель – проектирование, реализация и сопровождение комплексных программ эффективного социального и экономического развития территорий РФ, в т.ч. поддержка модернизации образовательных систем. В 2015 г. деятельность Фонда была признана в РФ нежелательной, и Фонд свернул свою деятельность.

китайском языке¹¹⁸. В последующие несколько лет одним из направлений моих исследований оставалась система ПО в КНР¹¹⁹.

ВГ: Были ли ещё какие-то совместные проекты?

НБ: Был ещё один разработанный мною проект, завершения которого я так и не увидела. Этот проект «Сравнительное исследование развития образования в сельской местности, на примере Китая, России и Казахстана» с 2010 г. успешно реализовывался тремя организациями: Институтом развития образования НИУ ВШЭ под руководством его директора *Ирины Всеволодовны Абанкиной*¹²⁰ и *Татьяны Всеволодовны Абанкиной*¹²¹; Международным исследовательским и тренинговым центром ЮНЕСКО по развитию сельского образования (Пекин) и Евразийским национальным университетом им. Л.Н.Гумилёва (г. Астана). Участие в третьем проекте дало мне материал для выступления в 2015 г. с докладом на конференции по развитию села в Иерусалиме¹²².

В 2008–2009 гг. я активно участвовала в ежегодных российско-китайских конференциях «Двухстороннее научно-образовательное сотрудничество вузов России и Китая», организованных Национальным исследовательским технологическим университетом МИСиС при поддержке министерства образования и науки РФ. Откликнувшись на мой проект,

---

¹¹⁸ Развитие региональных систем профессионального образования в России и Китае: современное состояние и основные тенденции (отв. редакторы Н.Е. Боревская, Е.А. Головкин, С.А. Иванов). М. 2010; 中俄典型地区职业教育:调查与比较分析. 北京, 2010.

¹¹⁹ Глава «Опыт модернизации системы среднего профессионального образования в КНР. // Модернизация профессионального образования: теория, опыт, проблемы. М.: ФГНУ ИТИП РАО, 2012. С. 46–64.

¹²⁰ *Абанкина Ирина Всеволодовна* (1956 г.р.). Экономист, к.э.н., профессор. Окончила МГУ им. Ломоносова. Сфера научных интересов – экономика образования, реформы профессионального образования и его регионального развития. С 2008 г. – директор, в наст. время – зам. директора Института развития образования НИУ ВШЭ. Эксперт Экономической комиссии Европы ООН.

¹²¹ *Абанкина Татьяна Всеволодовна* (1956 г.р.). Экономист, к.э.н., профессор. Окончила МГУ им. Ломоносова. Сфера научных интересов – экономика образования. С 2001 г. в ВШЭ, в наст. время – директор Института управления государственными ресурсами НИУ ВШЭ.

¹²² «Среднее ПО в сельском Китае» (на англ. яз.). // Международный семинар “Studying Rural Chinese Society in the 21st Century”, The Hebrew University, 2015.

МИСиС издал составленный и подготовленный мною коллективный сборник¹²³.

В 2009–2014 гг. по приглашению ректора НИУ ВШЭ *Ярослава Ивановича Кузьмина*¹²⁴, я по совместительству работала советником по научным и образовательным связям с Китаем, помогая НИУ ВШЭ устанавливать контакты с крупнейшими вузами КНР (научный обмен, совместные проекты и пр.).

Активная деятельность в данной сфере дала новое направление моим исследованиям – *интернационализация высшей школы КНР и потенциал её сотрудничества с вузами РФ*¹²⁵.

К этому периоду относится и активное сотрудничество с Российским советом по международным делам (РСМД)¹²⁶ и с Национальным фондом подготовки кадров (НФПК)¹²⁷ – выступления на конференциях, статьи на сайтах, консультации.

СГ: Расскажите подробнее о вашем опыте участия в международных конференциях в нынешнем столетии!

НБ: Помимо уже упомянутых мною Конференциях ЕАК и Всемирном конгрессе обществ сравнительной педагогики, я продолжала регулярно

---

¹²³ Сотрудничество России и КНР в сфере образования: анализ прошлого и перспективы будущего (науч. ред. Н.Е. Боровская). М., 2009.

¹²⁴ *Кузьмин Ярослав Иванович* (1957 г.р.). Российский экономист. Окончил экономический факультет МГУ (1979), преподавал там же (1979–1989). К.э.н. (1985). С.н.с., зав. сектором в Институте экономики АН СССР/РАН (1989–1993). Основатель и ректор Высшей школы экономики (1992).

¹²⁵ См. мой раздел в «Интернационализация высшего образования: тенденции, стратегии, сценарии будущего». М.: Логос, 2010; Интернационализация российских университетов: китайский вектор. РСМД. М., 2013 (автор-составитель и руководитель авторского коллектива) и на англ.: *Internationalization of Chinese Universities: the Chinese vector*. Moscow. RIAS, 2014; Образовательное сотрудничество РФ и КНР: новые тренды на новом этапе. // Современные российско-китайские отношения. М. 2017, с. 181–198.

¹²⁶ РСМД – российская некоммерческая организация в сфере внешней политики и международных отношений. Основан в 2011 г. в соответствии с распоряжением президента РФ. Среди учредителей – МИД России, Минобрнауки России, РАН, РСПП, ИА «Интерфакс».

¹²⁷ НФПК – некоммерческая организация, созданная в 1994 г. для реализации инновационных проектов в сфере образования и подготовки кадров, проведении исследований в области образования и науки.

выступать с докладами на проводимых с середины 1990-х годов в стенах ИДВ ежегодных международных конференциях «Китай, китайская цивилизация и мир». В тот период я получала особенно много приглашений на международные конференции в качестве почётного гостя. Пожалуй, наиболее насыщенным был 2010 г., когда я выступала с презентациями на шести международных конференциях на разные темы на китайском либо английском языках¹²⁸.

На уже упоминавшейся конференции в Карловом университете меня пригласили к участию на заключительном пленарном заседании – трёхчасовой дискуссии четырёх представителей разных стран по итогам реформ в образовании за последние 20 лет в КНР, РФ и Восточной Европе. Я оказалась в компании с «зубрами» компаративистики – проф. *Вольфгангом Миттером*¹²⁹, *Александром Вайзманом*¹³⁰, а также с тогдашним проректором Карлова университета, профессором психологии образования *Станиславом Штехом*¹³¹, в июне 2017 г. назначенным министром образования, молодежи и спорта Чешской Республики. А учитывая, что в зале сидели и другие мэтры

---

¹²⁸ «Потенциал высшей школы в гармонизации общества и российско-китайском диалоге культур». // Российско-китайская конференция в Цзилиньском университете; «Важные уроки сопоставления содержания учебных обучения в конфуцианских и русских православных школах в древности». // XVIII конференция ЕАК в Риге (Латвия); Международная конференция «Образовательные перемены в глобальном контексте» (Карлов Университет, Прага); «Система образования как приоритет в комплексных научных исследованиях». // 7-й Съезд российских востоковедов (Звенигород).

¹²⁹ *Mitter Wolfgang* (1927 г.р.) – доктор филологии (1954, Свободный ун-т Берлина). Вёл курс сравнительной педагогики в Гамбургском ун-те (1964–1972). Возглавлял Отдел Общей и сравнительной педагогики в Немецком ин-те Международных исследований в сфере образования во Франкфурте на Майне (1972–1998). До 2007 г. преподавал в Ун-те Франкфурта на Майне. Президент Европейского общества сравнительной педагогики (CESE, 1981–1985); Президент WCCES (1991–1996); Президент Всемирной ассоциации педагогических исследований WAER (1997–2000).

¹³⁰ *Wiseman Alexander W.* (ок. 1960 г.р.). Ph.D. Профессор, Директор программ Сравнительной и международной педагогики в Педагогическом колледже частного Лихайского университета (Lehigh University), штат Пенсильвания.

¹³¹ *Stanislav Štech* – Окончил Карлов университет. Ph. D., профессор. Доцент, а затем зав. кафедры психологии (1983–2010), проректор по развитию Карлова Ун-та (2003–2015). Зам. министра образования (2015–2017).

сравнительной педагогики из разных стран, могу признаться, что это было одним из самых трудных испытаний в моей научной практике.

Большой честью для себя считаю официальные приглашения на Пекинский форум¹³² в том же 2010 г., в 2011 г. – на грандиозную (1500 участников) конференцию Мирового саммита по образованию (WISE)¹³³ в Дохе (Катар) и (в составе делегации) на всекитайскую ежегодную конференцию, организуемую влиятельной Всекитайской образовательной ассоциацией по международному обмену (CEAIE)¹³⁴, а в 2012 г. – в Дели на XII Трёхсторонний Форум Россия–Индия–Китай.

СГ: Как вы оцениваете свой личный вклад в сравнительную педагогику и в китаеведение? Насколько он признан вашими коллегами?

НБ: Период с середины 1990-х до середины 2010-х гг. – эти два десятилетия я считаю самыми плодотворными по результатам моих исследований в сфере образования и по признанию научной общественности.

В 2004 г. Учёный Совет Института теории образования и педагогики РАО по совокупности трудов выдвинул мою кандидатуру на выборы в члены-корреспонденты РАО по специальности «Сравнительная педагогика» (Отделение философии образования и теоретической педагогики). Но, к сожалению, я не собрала большинства голосов (отчасти в силу моей неопытности в хитросплетениях кандидатской гонки).

Мои скромные достижения в области сравнительной педагогики были больше признаны иностранными коллегами. Я была включена в список

---

¹³² Эти масштабные форумы проводятся ежегодно с 2004 г. Организаторами являются Пекинской ун-т, Комитет образования Пекина и Корейский Фонд высшего образования. Информационную и организационную поддержку Форуму оказывают два десятка международных, зарубежных и китайских организаций. Официальной целью форума является представление научных достижений мирового класса и стимулирование исследований в сфере гуманитарных и общественных наук.

¹³³ The World Innovation Summit for Education (WISE) – международная инициатива с целью трансформировать образования через инновации. Основана в 2009 г. Катарским Фондом, саммиты проводятся ежегодно и сопровождаются выдачей премий за выдающийся вклад в создание новых подходов к развитию образования.

¹³⁴ 中国教育国际交流协会 – некоммерческая организация, основана в 1981 г.

мировых экспертов в Энциклопедии сравнительной и международной педагогики, подготовленной Columbia University (см. *сайт CIEclopedia.org*).

Наиболее почётным для себя считаю избрание членом Управляющего совета Международного института планирования образования ЮНЕСКО¹³⁵ (2008–2012). Заседания Совета проходили ежегодно в Париже в течение трёх дней декабря – это было крайне напряжённое и бурное утверждение отчётов Института за прошедший год, а главное – выдвижение предложений и обсуждение мероприятий на следующий год, а также опубликованных Институтом работ.

Участие в заседаниях Совета, членами которого в мою каденцию являлись такие всемирно известные специалисты как *Джамиль Салми*¹³⁶, *Биргер Фредриксен*¹³⁷, советники президентов отдельных стран и руководители крупных образовательных учреждений, дало мне бесценный опыт анализа образовательных стратегий и, в частности, помогло в реализации российско-китайских образовательных контактов. Последнее – благодаря поддержке одного из членов Совета господина *Чжан Синь-шэн*¹³⁸, который оказался Президентом той самой Всекитайской ассоциации по международному обмену СЕАИЕ.

СГ: Сколько раз вы были в Китае?

---

¹³⁵ The International Institute for Educational Planning (ИЕП – UNESCO) создан в Париже в 1963 г. (отделение в Буэнос-Айресе). Его миссия – расширение потенциала руководителей систем образования разных стран в планировании образования путём оказания технической помощи, организации программ обучения и научных консультаций.

¹³⁶ *Salmi Jamil* – международный эксперт в области политики реформирования высшего образования и создания вузов мирового класса. С середины 1990-х гг. до 2012 г. – координатор по вопросам высшего образования во Всемирном банке. Консультировал правительства 80 стран мира по вопросам реформирования высшей школы.

¹³⁷ *Fredriksen Birger*, Ph.D. (Университет Осло) – ведущий эксперт по распространению образования в развивающихся странах. Работал в Университете Осло, в ЮНЕСКО, в Центре исследования и инноваций в образовании в ОЕСД и в течение 20 лет возглавлял Департамент гуманитарного развития Африки во Всемирном Банке.

¹³⁸ *Чжан Синь-шэн* 章新胜 (1948 г.р.). Ph. D. в Гарвардском ун-те (2000), зам. министра образования (2001–2009), председатель исполкома ЮНЕСКО (2005–2007). Президент СЕАИЕ (2010–2016).

НБ: Помимо двух полугодовых стажировок, я посещала Китай более двух десятков раз (с 2010 по 2014 гг. – ежегодно): это и научные конференции, и краткосрочные стажировки по линии научных обменов ИДВ, и визиты делегаций, и чтение лекционных курсов. Не была последние четыре года, но не теряю надежды ещё посетить Китай.

СГ: Как менялись ваши оценки Китая по мере знакомства и изучения? Как складывались отношения с китайскими коллегами?

НБ: Мои оценки Китая как страны прекрасной древней культуры и дивных природных и архитектурных красот только повышались. Модернизационные перемены её облика и явственное повышение уровня жизни населения за несколько последних десятилетий внушают восхищение и гордость. Во время давних стажировок я много путешествовала по стране, видела, в какой нищете живут люди даже в крупных городах и, тем более, вдали от центра. Я не забуду посещение примитивно обставленных пещерных жилищ в горах на берегу Хуанхэ (правда, там был телевизор), помню огромную толпу бедно одетых людей в Сиани в 1985 г., у многих из которых за спинами были свёрнутые матрасы, а на лицах виднелись следы тяжких болезней: вся эта человеческая масса запрудила привокзальную площадь, по несколько суток дожидаясь билетов на поезд. А что это были за поезда! В поездах и автобусах разрешалось курить, дымили все лица мужского пола, и дым стоял такой, что соседей было не разглядеть. Какой контраст с великолепно отделанным двухместным купе современного вагона, в котором я ехала в 2007 г. из Шэньяня в Далянь!

Смягчение политического климата внутри Китая и активизация культурных, научных и образовательных контактов, безусловно, радовали. Однако, это не слепая любовь! Как учёный я анализирую позитивные и негативные последствия реформ, лучше понимаю китайский характер и отношение китайцев к внешнему миру и к нашей стране, в частности.

О своих широких контактах с китайскими коллегами я уже говорила. Добавлю лишь то, что, несмотря на естественные трудности, порождённые

сотрудничеством людей разных не только по характеру, но и по идеологическим убеждениям, рабочим привычкам и традициям, мы достигали понимания. Со многими коллегами отношения из деловых переросли в дружеские – это и уже упомянутая Бин Бинь, и семья русиста Ван Дэ-шэна и, конечно, Чжу Сяо-мань и другие. Относительно личных взаимоотношений мой вывод таков: китайцы – люди невероятно чуткие. С незнакомцами (в отличие от американцев), как правило, вежливо холодны, и если ощущают хоть малейшую надменность или неискренность, надеяться на их откровенность ни в деловых, ни в личных отношениях не стоит. Но если ваши чувства вполне доброжелательны, расовые границы тают, и вам воздается сторицей и дружеской поддержки, и гостеприимства. Каждый раз, приходя в гости, поражалась кулинарному искусству, причём чаще всего не хозяйки, а хозяина. Блюд на столе было множество, но в строгом соотношении мясного, рыбного и овощного. Меня ублажить было нетрудно, очень уж я люблю китайскую кухню. Даже сумела постепенно оценить совершенно не воспринятый вначале соевый творог *доуфу*, – с моими любимыми креветками он оказался отменно вкусен. До сих пор помню чудесные «оубины» (藕饼) – жареные лепёшки из клубня лотоса (в перемолотую клейкую массу добавляется зелёный лук и соль), которыми меня угощала мама Чжу Сяо-мань. Чего я только не попробовала в Китае – даже жареную саранчу! А лягушек какой-то дядечка продавал со связки прямо у ворот Нанкинского университета.

Китайская кухня дала мне ещё один важный урок – даже каждодневное блюдо должно быть не только вкусным, но и красиво выглядеть. Никогда не забуду букетов цветов дивной красоты на одном из банкетов в Китае – все они были вырезаны из овощей и фруктов!

СГ: Вернёмся к духовной пище. Наверняка вы прекрасно знакомы с современными китайскими исследованиями в области образования. А как вы оцениваете их уровень?

НБ: На мой взгляд, он неровный. Есть блестящие работы, которые принадлежат в основном тем специалистам, которые получили образование или стажировались за рубежом и используют современную методологию (как, например, работы упомянутой мною Ван Жун и коллег из её центра, или труды *Се Вэй-хэ*¹³⁹, *У Да-гуана*¹⁴⁰). Есть исследования известных специалистов старшего поколения, написанные в традиционной китайской описательной манере. Но в целом уровень исследований в сфере образования за последние три десятка лет безусловно вырос. С каждым годом совершенствуется статистика, что видно по выпускаемым в КНР ежегодным разнообразным образовательным статистическим справочникам. На вполне современном аналитическом уровне сделан уже упоминавшийся ежегодник «Зелёная книга по образованию». Появляются замечательные специалисты по управлению образованием и его финансированию, по проблемам регионального развития образования и т.д.

ВГ: Вы много лет исследовали систему образования в КНР, стратегию его развития, особенно в последние три десятилетия. Каковы ваши базовые выводы – в чём же его специфика и в чём главное отличие от российских реформ в этой сфере?

НБ: Постараюсь ответить очень кратко, чтобы не пересказывать сотни страниц уже написанного¹⁴¹. В 2012 г. китайские составители сборника «Иностранцы об образовании в Китае»¹⁴² обратились ко мне с просьбой дать

---

¹³⁹ *Се Вэй-хэ* 谢维和 (1954 г.р.). Известный специалист по социологии образования. Ph.D. (1988). Профессор. Проректор Университета Цинхуа, директор НИИ образования Университета Цинхуа (2004–2015).

¹⁴⁰ *У Да-гуан* 邬大光 (1957 г.р.). Известный теоретик реформирования высшей школы. Ph.D. (1988). Профессор. Зам. директора, директор НИИ педагогики Шэньянского педагогического ун-та (1992–1997). Зам. директора Исследовательского центра развития высшей школы Сямыньского ун-та, проректор (с 1997).

¹⁴¹ См.: Образовательная политика в Китае и России: сравнительный анализ. // Педагогика, 1996, № 1; «Выводы компаративистов: Взгляд из России». // Россия–Китай: образовательные реформы на рубеже XX–XXI вв. Сравнительный анализ. С. 468–481.

¹⁴² Приоритетность образования как залог успешной модернизации Китая» (на кит. яз.). // Сб. 外国人看中国教育 (Китайское образование глазами иностранцев). Под ред. Юань Гуйжэня. Изд-во Гаодэн цзяюй (Высшая школа). Пекин, 2012. С. 184–191.

оценку реформам в КНР. Вот когда мне понадобился весь мой компаративистский опыт для ответа на вопрос, волнующий учёных разных областей знаний: в чём истоки начавшегося в КНР с конца 1980-х гг. подлинного скачка в распространении образования всех уровней и высокого охвата им населения, в совершенствовании системы образования и повышении качества обучения. Что это – особенности «азиатской модели развития», специфика социалистического строя, китайской ментальности, таланта лидеров или совокупность всех этих и ещё многих других факторов?

ВГ: И что же это такое? Каков ваш ответ?

НБ: Мне представляется, что каждый из этих факторов сыграл свою роль, часто неоднозначную. И всё же, после долгих раздумий я без колебания нашла заголовок для статьи: «Приоритетность образования как залог успешной модернизации Китая». Это подразумевает его серьёзное финансовое и идеологическое обеспечение. Руководители системы образования КНР учли зарубежный опыт: усиление ресурсного обеспечения учебных заведений неэффективно без комплекса институциональных преобразований. В КНР они коснулись: децентрализации и реформы территориально-административного и внутришкольного управления учебными заведениями; включения рыночных механизмов и внебюджетного финансирования; возрождения системы негосударственных учебных заведений; реформы содержания обучения; некоторой демократизации функционирования образовательных учреждений (в том числе предоставление им статуса юридического лица, а вузам – автономии). Китай принял беспрецедентные по напору и комплексности меры перехода к современной модели университета, для чего ему понадобилось преодолеть жесткий административный контроль государства в управлении высшей школой, стимулировать новые взаимоотношения в треугольнике «государство–школа–общество» на основе партнёрства. Китай также взял на вооружение успешно опробованный ранее в ряде стран Юго-Восточной Азии принцип «сосредоточения сил на главных направлениях», что подразумевало

концентрацию государством материальных и человеческих ресурсов в наиболее развитых регионах и пилотных учебных заведениях. С позиций социальной справедливости – это курс сомнительный. Однако благодаря ему в сжатые сроки были подготовлены высококвалифицированные кадры для наиболее перспективных секторов экономики, совершен скачок в развитии высоких технологий. И, сколотив платформу, Китай в последнее десятилетие переходит от усиления наиболее сильных звеньев – к укреплению слабых.

ВГ: Насколько китайский опыт модернизации образования сходен или отличен от опыта России?

НБ: В целом, направление китайских и российских образовательных реформ с 1990-х гг. имело много сходных черт. Реализовать эти реформы оказалось крайне трудно в государствах с ещё не так давно централизованной системой управления, в условиях стремительных темпов вхождения в рынок, незрелости государственных институтов и слабости законодательной базы. Однако в Китае, в отличие от России, комплексные реформы и структурная перестройка системы образования были сбалансированы благодаря постоянному государственному макрорегулированию, установлению прочных взаимосвязей между реформами, развитием и стабильностью. Опыт Китая дал миру урок истинной глобализации – готовность к заимствованию лучшего из мирового опыта *при сохранении наиболее ценного в собственной традиции*, чего не сделала Россия, выплеснув младенца вместе с грязной водой.

СГ: Насколько востребованы ваши знания и опыт сейчас, по сравнению с советским временем?

НБ: В первые десятилетия моей научной деятельности наиболее востребованными оказались мои исследования по литературе. Что касается работ по реформам образования, то они публиковались в основном в китаеведческих журналах. Но советские китаеведы не испытывали интереса к данной проблематике, к великому сожалению, не осознавая её важности. Что же касается педагогической общественности, то и здесь до 1990-х гг.

ситуация была та же, хотя причины несколько иные: я уже упоминала о том, что у меня не было педагогического образования и я была там «чужой». Кроме того, в 1970–1980-е гг. российская педагогика и система образования находились на несравненно более высоком уровне развития, чем китайские, поэтому тогда изучение китайского опыта не представляло интереса для России.

Ситуация начала меняться в 1990-е годы, по мере того как реформа образования в КНР стремительно набирала обороты, появились любопытные аспекты, представляющие интерес и для модернизации образования в нашей стране. Только на этом этапе мои компаративистские статьи приветствовались и не китаеведческими изданиями¹⁴³. Востребованность моих знаний и опыта достигла апогея – ко мне обращались руководители вузов Москвы и регионов, различные фонды и ассоциации, меня стали приглашать на российские образовательные форумы¹⁴⁴.

ВГ: Выходит, отношение российских вузов к Китаю стало меняться?

НБ: Эти изменения неоднозначны. С одной стороны, с 1990-х гг. резко изменилась позиция российских университетов, прочувствовавших все выгоды от практического сотрудничества с вузами КНР. Мой опыт как специалиста по различным аспектам образовательных реформ в КНР и мои контакты с руководством ряда ключевых университетов КНР оказались чрезвычайно востребованы работниками и министерства образования РФ, и многих российских вузов, но лишь в плане установления контактов и привлечения на обучение китайских студентов.

---

¹⁴³ Об опыте бинарных сравнительных исследований в образовании. // Актуальные проблемы развития образования в современном мире. Пятигорск, 2006; Национальная специфика образования в эпоху глобализации: поможет ли нам опыт КНР? // Отечественные записки, 2008, № 40.

¹⁴⁴ Вела круглый стол по образованию в КНР на III Всероссийском Форуме руководителей образовательных учреждений (Москва, 2007); выступала на I Международной конференции «Интернационализация высшего образования: тенденции, стратегии, сценарии будущего» (НФПК, М., 2010), на II Азиатско-Тихоокеанском форуме (РСМД, М., 2012).

В то же время большинство российских вузов по-прежнему не выражало заинтересованности в изучении глубинных процессов, происходящих в сфере высшего образования КНР, не включало в программу даже китаеведческих факультетов ни отдельных лекций, ни тем более спецкурсов по данной тематике¹⁴⁵. Соответственно, университеты шли на контакты с КНР практически с закрытыми глазами. Отсюда – неумение извлечь выгоду из этого обмена для российской стороны.

В итоге, к моему глубокому сожалению, до сего времени, несмотря на то, что я уже практически не веду научных исследований, я остаюсь единственным в России специалистом широкого профиля по проблемам политики в области образования в КНР за последние полвека.

СГ: Есть ли у вас аспиранты, своя школа?

НБ: Это самый больной для меня вопрос! По ряду причин я так и не смогла создать свою школу. Одна из причин состоит в том, что основным местом моей работы являлось не учебное заведение, где легче распространять среди студентов свои идеи, а научный центр, хотя и имеющий аспирантуру. К великому сожалению, по личным причинам ни один из нескольких моих аспирантов не защитил диссертацию. В целом, разработанное мною направление исследований (политика в области образования, сравнительная педагогика) не представляется молодёжи перспективным¹⁴⁶.

СГ: Насколько глубоко изучается опыт модернизации китайской системы образования в России, каков уровень этих исследований сегодня? Какие китаеведческие центры наиболее сильны?

НБ: Начну с обратного – как изучается опыт советской и российской педагогики в КНР. На одном из этапов работы я потратила немало сил и

---

¹⁴⁵ Приятным исключением стал Московский государственный психолого-педагогический университет, по заявке которого мною был составлен спецкурс «Особенности китайской педагогики и системы образования в контексте этнопсихологии: учебно-методическое пособие. Изд-во Смысл. М., 2007.

¹⁴⁶ Радуют и исключения – монография П.И. Рысаковой «Система образования в китайском обществе». М., 2010.

времени на «прочесывание» основных трудов учёных КНР по проблемам и истории образования в СССР и РФ. Я была поражена масштабом и тщательностью подобных исследований (особенно на фоне единичности исследований феномена модернизации китайского образования в России) и опубликовала несколько статей, в которых суммировала оценки китайских учёных (в отношении российского периода более критичные, чем советского)¹⁴⁷. Огромную помощь оказала моя коллега и подруга из Пекинского педагогического университета, специалист по советской системе образования *Сяо Су*¹⁴⁸.

Часто бывая на международных конференциях могу отметить, что моя тематика, хотя и не самая популярная в европейском китаеведении (в отличие от США и Австралии), тем не менее привлекает внимание китаеведов даже тех стран, где их круг и без того невелик (Дания, Норвегия).

Что же касается России, я наблюдаю явную недооценку важности исследований в области модернизации образования в КНР, без чего неясны и перспективы её научной технической модернизации. Надежду вселяет то, что в университетах всё же появляются отдельные работы и отдельные аспиранты, берущиеся за эту тему¹⁴⁹.

В целом же, несмотря на то, что сегодня российское китаеведение переживает не лучшие времена, оно, как мне кажется, стоит в ряду довольно сильных, правда, не за счёт общего уровня, а благодаря титаническому труду и таланту отдельных учёных. Пример тому – шеститомная энциклопедия «Духовная культура Китая».

---

¹⁴⁷ Советская педагогика в оценках китайских ученых. // Педагогика, 2007, № 8; Китайские педагоги об образовательных реформах в новой России. // Там же, № 10.

¹⁴⁸ *Сяо Су* 肖甦 – профессор, к. пед. н. (диссертация в НИИ психологии образования РАО, 1994), специалист по педагогике и образованию в СССР и РФ, также по сравнительной педагогике. НИИ международной и сравнительной педагогики ППУ (1994–2008). Педагогическое Отделение ППУ (с 2009).

¹⁴⁹ Очень радует защищённая в ИСАА к/д М.А. Гулевой «Экономические проблемы современной системы образования в КНР» (2015), научным руководителем которой был В.Г. Гельбрас.

Я не преподаватель, поэтому я затруднилась бы ответить на вопрос, лучше или хуже уровень подготовки китаистов в сегодняшней России по сравнению с советским периодом. Со стороны вижу, что у нынешних студентов есть неограниченные возможности выбора за счёт открытия множества китаеведческих центров (конечно, далеко не равнозначных по качеству обучения). Некоторые из этих центров действуют при престижных российских вузах общего профиля – Российском государственном гуманитарном университете, НИУ Высшей школе экономики и т.п., что позволяет студенту стать не просто «китаеведом», а полноценным историком или экономистом со знанием китайского языка. Раньше добротной подготовкой китаеведов-историков и китаеведов-филологов выпускали только ИВЯ/ИСАА при МГУ, Восточный факультет Ленинградского университета и Дальневосточный государственный университет. Эти же центры, несмотря на то, что старшее поколение маститых китаистов-историков и литературоведов практически ушло, а среднее численно невелико (в 1990-е годы было мало желающих поступать на китайское отделение, а выпускники не шли в науку), отчасти сохраняют свою «марку». Что же касается научных центров, то, помимо университетских, крупнейшим центром по современному Китаю остается ИДВ РАН, по древности и средневековью – Институт востоковедения в Москве, Санкт-Петербургский Институт восточных рукописей, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН. Отрадно, что крепнут молодые китаеведческие центры в городах Сибири и Дальнего Востока. Кроме того, сегодня молодые российские китаеведы имеют прекрасную возможность познакомиться не только с трудами своих китайских, но и западных коллег, свободно выезжать на международные форумы. Это расширяет их кругозор и знакомит с различными методологическими подходами. Жаль, что современная молодёжь не полностью использует эти возможности, мало пишет статей на

западноевропейских языках, что ограничивает выход российского китаеведения на мировую арену.

Мечты выпускников со знанием китайского языка носят практический характер – работа в Китае или в китайских фирмах в РФ, для чего достаточно просто знания языка, а вот привлекательность науки значительно поблекла. Это и объяснимо, ибо зарплата китаеведов в научных институтах, ох, как невысока. В итоге в российском китаеведении преобладают политологические и экономические исследования, уровень исторических исследований несколько снизился, а культурологических, особенно в области литературы, катастрофически недостаточен. Мне представляется, что российское китаеведение должно обратить серьёзное внимание на это зарастающее сорняками поле, особенно на углублённое изучение и перевод древней и средневековой литературы, и поднять эти исследования на ту высоту, на которой они блистали до 1990-х гг.

СГ: Помимо достижений, были ли у вас профессиональные недочёты, которые могут послужить уроком для молодых китаеведов? Какие личные и профессиональные качества необходимы, чтобы стать хорошим китаеведом?

НБ: Отвечу со всей искренностью. Работы по теме «образование» до конца 1980-х гг. были достаточно поверхностны и описательны. Причин несколько – и недостаток профессиональных знаний в области смежных наук (социологии, экономики), и необходимость при отсутствии других специалистов «объять необъятное», и слабость методологической базы. Отсюда и урок для молодых – подготовка китаеведов как специалистов в области истории, экономики, культуры, а тем более образования, совершенно недостаточна на китаеведческих отделениях. Её необходимо дополнить как минимум самообразованием в соответствующих областях. Кроме того, мне бы хотелось, чтобы нынешняя молодёжь с самого начала карьеры затвердила наказ из первой лекции Л.Д. Позднеевой: «Всегда помните, что до вас было много китаеведов, серьёзно изучавших историю и культуру Китая. Ознакомьтесь с их трудами, прежде чем браться за какую-то тему».

Я специально прочесала Интернет, нашла несколько статей о системе образования в КНР из Вестников разных университетов – и огорчению моему не было предела. Молодые авторы пишут так, как я начинала 40 лет назад – с примитивного описательства. Грустно! По отсутствию ссылок показалось, что никто из них не знаком с моими работами. Но из переписки с одной из авторов узнала, что работы мои она читала, да только на теме решила не задерживаться – вместо диссертации ушла на фирму.

А ещё – китаеведение, как всякое серьёзное дело, требует усидчивости, дотошности и добросовестности. Не порхайте в поисках источников только по Интернету, а копайте – вгрызайтесь в оригинальные китайские тексты и документы и осмысляйте их, используя современную методологию! Не доверяйте слепо другим работам, но для выработки собственной концепции непременно изучайте труды коллег! И последнее – оценив ширину поля, не старайтесь засеять его целиком, копайте узкую, но глубокую борозду.

СГ: Что бы вы ответили, если бы мы попросили вас подытожить свою научную карьеру?

НБ: К счастью, к настоящему моменту я могу подвести лишь итоги моей *научной* деятельности в китаеведении. Но есть и перспективы, о которых не могу не упомянуть.

Две темы были в фокусе моих исследований – литература и образование. Так случилось в жизни, что я и китаеведом стала «поневоле», и специалистом по теме «образование в Китае» стала случайно. Тем не менее, как китаеведение, так и традиционная и новая педагогика Китая захватили меня, и я оказалась счастливым человеком, который любит свою профессию и получает удовольствие от исследований.

В силу ряда обстоятельств я оказалась фактически единственным китаеведом, который в течение четырёх десятилетий неизменно и систематично разрабатывал научную тему *«Система образования в КНР»*, *утвердив её как одно из новых направлений китаеведения*. До этого в российском (в т.ч. и советском) китаеведении появлялись только отдельные

статьи немногих авторов. Более сотни моих статей и десятков монографий (в некоторых из них я была составителем и научным редактором) дают возможность не только поэтапно проследить весь сложный путь становления и развития системы образования в КНР, начиная с 1949 г. по 2010-е гг., но и представляют анализ причин и следствий проводившихся реформ в контексте политической борьбы и экономических экспериментов в КНР, в контексте общего процесса модернизации страны, в контексте глобализации. Я также надеюсь, что публикация шести глав и статей в престижных западных журналах и международных сборниках свидетельствует о признании достойного научного уровня моих исследований не только в России, но и за рубежом.

Принципиально важно то, что в моих работах я впервые в России отошла от общего изложения состояния образования и политики в данной области, приступив к исследованию отдельных аспектов, связанных с социологией, экономикой, менеджментом образования. Иными словами, я пыталась путём самообразования получить достаточные знания, чтобы мои исследования вышла за рамки китаеведения, став полезными для теоретиков образования, социологов и экономистов. Подобный дифференцированный подход позволил вывести российские исследования по образовательной проблематике на международный уровень.

Первый в России очерк истории школы и педагогической мысли в Китае дал возможность по-новому осветить роль традиции. Более того, накопленный со второй половины 1990-х гг. опыт сравнительных исследований, базирующийся на изучении теории сравнительной педагогики в ведущих центрах США, дал мне возможность впервые в России соединить страноведческий подход с компаративистским. Прежде всего, этот опыт позволил провести бинарные сопоставления стратегии развития образовательных реформ в России и КНР, а также начать сравнение истории школы и педагогической мысли двух стран: конфуцианской и христианско-православной.

А напоследок – сладкий десерт. Закончив работать в ИДВ РАН, я обрела массу свободного времени для осуществления своей голубой мечты – перевода романа «Плавания Чжэн Хэ по Индийскому океану». В этом я вижу свой жизненный цикл. Над переводом я работаю уже около трёх лет. В целом я его завершила, хотя часть глав даётся в более-менее подробном пересказе, почти не переведены стихотворные вставки, а в литературной обработке готовы и опубликованы только три главы¹⁵⁰. Зато весь текст снабжён подробными научными комментариями. Предполагаю, что мне понадобится ещё не менее года-полтора, чтобы подготовить к публикации сокращённый перевод романа (около 35 глав из ста, остальные – в кратком пересказе) – подобные прецеденты с другими романами были¹⁵¹. В итоге, пятилетний срок работы над грандиозным произведением, равным по объёму «Путешествию на Запад»¹⁵², кажется небольшим по сравнению со временем, затраченным на перевод подобных эпопей в 1950-е гг. Но следует заметить, что возможность использовать словари и энциклопедии в интернете значительно ускоряет процесс. Кроме того, в прошлом все переводчики средневековых эпопей выполняли перевод, имея прочие рабочие обязанности. Немаловажно и то, что моей целью является публикация сокращённого издания.

ВГ: Каковы перспективы его издания?

НБ: К сожалению, пока не найдено издательства, имеющего средства для публикации романа о «Плаваниях Чжэн Хэ». Но меня вдохновляет официальное приглашение на первую международную конференцию по этому произведению, организуемую в Китае в 2018 г., совместно Шанхайским центром изучения Чжэн Хэ, Институтом социологии Мюнхенского университета им. Людвиг-Максимилиана и Чжэцзянским Педагогическим университетом. Два первых центра с 2009 г. реализовали

---

¹⁵⁰ Перевод глав 16–18. См.: Архив российской китаистики, М. 2016, т. III, С. 808–854.

¹⁵¹ Троецарствие. Худ. лит., М., 1984; Речные заводы. Детская литература, Л., 1968; Сунь Укун – царь обезьян. М.: Худ. лит., 1982.

¹⁵² *Путешествие на Запад* 西游记 – роман У Чэн-эня, конец XVI в. В переводе А.П. Рогачёва издан впервые в 1955 г.

уже несколько совместных проектов, инициатором которых с немецкой стороны выступил профессор Мюнхенского университета *Родерих Птак*¹⁵³. Именно с лёгкой руки этого синоведа, которому оказались давно известны мои статьи по роману, да ещё и презентации на Конгрессе ЕАК в 2016 г., я и получила приглашение на конференцию, на которую возлагаю некоторые надежды.

Так что подводить итоги моей научной и переводческой деятельности рановато!

СГ, ВГ: Действительно! Ждём с нетерпением возможности увидеть и прочесть «Плавания Чжэн Хэ по Индийскому океану» в вашем переводе! Благодарим за ваше интервью и помощь при подготовке его к публикации!

***

---

¹⁵³ *Ptak Roderich* (1955 г.р.). Синолог, специалист по средневековой китайской литературе и истории. Ph. D. и доктор наук (1985). Профессор Института синологии в Университете им. Людвига-Максимилиана (с 1994).